

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

*Перевод со старофранцузского
Ф. Г. де Ла Барта*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА

1937

1 Державный Карл, наш славный император,
Семь долгих лет в Испании сражался:
И до моря вся горная страна
В его руках; сдалися Карлу замки,
Разбиты башни, грады покорились,
И стены их рассыпались во прах.
Лишь не взял Карл Великий Сарагоссы,
Что на горе стояла: царь Марсилиий
Владеет ею; в бога он не верит, —
Он Аполлину служит, Мухамеду, —
Но близок час погибели его.

— Аой!

2 Однажды был Марсилиий в Сарагоссе, —
Он в сад пошел, прилег на темный мрамор
В тени; вокруг собрались сарацины,
Их было тысяч больше двадцати;
Своим баронам молвил царь Марсилиий:
«Послушайте, друзья, какое горе
Постигло нас: король могучий Карл,
Властитель милой Франции прекрасной,
В наш край родной пришел вас разгромить.
Без войска я — и нет полков могучих,
Чтоб отразить дружины короля!

Я вас прошу, мудрейшие из мавров,
Совет подать мне: как уйти от смерти
И как верней позора избежать?..»
Хранят они глубокое молчанье, —
Один валь-фондский славный кастелян
Молчать не стал, — он звался Бланкандрином.

- 3 Среди испанских мавров Бланкандрин
Был всех мудрей, был витязем отважным,
Умел помочь советами царю, —
Он так сказал: «Оставьте страх, Марсильи,
Тщеславному и гордому французу
Клянитесь в дружбе, в преданности вечной,
Пошлите сотен десять соколов,
Благополучно перенесших линьку,
Медведей, львов, собак, семьсот верблюдов,
Четыре сотни мулов, нагруженных
И серебром и золотом арабским,
Чтоб славный Карл, французов повелитель,
Возов огромных больше полусотни
Мог нагрузить богатыми дарами:
Заплатит он наемникам своим.
Так долго Карл в Испании сражался, —
К себе домой идти ему пора!
Скажите Карлу: «В Ахен твой престольный
Я за тобой последую и сам,
Когда ж настанет праздник Михаила, —
Тогда крещусь; по правде и по чести
Тебе служить я буду, славный Карл!»
Попросит он заложников, — так что же?
Их десять, двадцать франкам отдадим,
Детей пошлем, — я собственного сына
Отправлю к ним на гибель и мученья!

Пускай они там все обрящут смерть,
Чем ним лишиться власти и почета
И подаянья нищенски просить!

- 4 Я вам клянусь моей рукою правой
И бородой, покрывшей грудь мою,
Что войско Карла быстро удалится,
К себе домой уйдут тогда французы...
Когда же все их войско разбредется
И в Ахенском соборе мощный Карл
Великий день святого Михаила
Отпразднует, — пройдет крещенья срок;
О нас ни слова франки не услышат.
Ужасен Карл, безжалостен и грозен:
Заложников казнит, не медля, он...
Но пусть они скорей лишатся жизни,
Чем светлый край, Испанию-красу,
Отнимет Карл, французов повелитель,
И бедствий ряд обрушится на нас!»
«Все это так!» — кричат толпы неверных.

- 5 Марсиль-царь окончил совещанье,
Зовет к себе Кларина, Эвдрупина,
Эстамарина, пэров двух, — за ними
Пришел Магей и с ним его племянник
Вождь Махинер, пришел Мальбьэн заморский,
Пришел Жоймер и старый Бланкандрин.
(Всех было десять самых хитрых мавров.)
Посольства цель Марсиль объясняет:
«Друзья, не медля, к Карлу отправляйтесь:
Он под стенами Кордовы теперь;
Возьмите каждый в руки ветвь оливы,
Как символ мира; если вам удастся

Меня с Великим Карлом примирить, —
В награду я земли дарую ленной,
Поместий вам и всякого добра,
Всего, всего, кто сколько взять захочет!»
И молвят мавры: «Здесь богатств немало!»

- 6 Окончил царь Марсилий совещаенье.
«Сеньоры, — молвил он своим баронам —
Возьмите каждый в руки ветвь оливы,
Просите Карла, богом заклиняйте
Меня и мавров ныне пощадить.
Скажите франку: «Ровно через месяц
Наш царь и с ним до тысячи баронов
Придут к тебе в престольный Ахен твой,
Закон Христа они все вместе примут,
Служить тебе по правде и по чести
Марсилий будет, — сколько ты ни спросишь,
Он даст тебе в заложники людей».
«Прекрасным это будет договором!» —
Сказал в ответ коварный Бланкандрин.
- 7 Велел Марсилий десять белых мулов
К себе, не медля, вывести; в подарок
Их дал ему Сицилии король:
На них уздечки были золотые,
А седла все литого серебра.
На них послы Марсилия воссели,
В руках они держали ветвь оливы...
Приехали. Они обманут Карла.
- 8 Могучий Карл и радостен, и светел:
Взял Кордову он, стены разгромил,
На землю он поверг твердыни башен...

И знатная добыча людям Карла
Досталась там — набрали без конца
И серебра и золота литого,
Роскошных сбруй, доспехов драгоценных...
Язычников в Кордове не осталось.
Побитых тьма — живые крещены!
Великий Карл сидит в саду роскошном:
Вокруг него Роланд и Оливьер,
И вождь Самсон, и Ансеис надменный,
Жоффрей д'Анжу, знаменосец Карла,
Жерен, Жерье, Ивон и с ним Иворий,
Одон-силач, гасконец Энжелье,
За ним старик Жерард из Руссильона
И славный вождь могучий Беранжье.
Но, кроме них, там многие другие:
Баронов Карла — всех пятнадцать тысяч.
Сидят на белых шелковых коврах,
Играют в кости; те же, кто постарше
И кто умней, — те в шахматы играют.
Вдали проворных юношей толпы
Увлечены потехой богатырской...
Под сенью ели, где цветет шиповник,
Сидит на троне золота литого
Прекрасной нашей Франции король.
Волной седые кудри ниспадают,
А борода его белее снега.
Прекрасен Карл, горда его осанка:
Узнали сразу франков властелина
Послы испанцев, спешились они,
Любовно все приветствовали Карла.

- 9 Прощел вперед и молвил Бланкандрин:
«Храни тебя, король, твой бог всеильный,

Тот дивный бог, которому ты служишь!
Велел тебе сказать Марсилию храбрый,
Что расспросил о вашей вере он,
Что ваш закон — один ведет к спасенью!
С тобой разделит царь свои богатства:
Пошлет собак, верблюдов, львов, медведей
И тысячу слинявших соколов,
Четыре сотни мулов, нагруженных
И серебром, и золотом арабским, —
Наполнишь ты богатыми дарами
Возов огромных больше полусотни.
Так много царь пошлет монет чеканных,
Что сразу войску плату ты отдашь...
Великий Карл, ты долго здесь сражался —
Пора тебе домой вернуться, в Ахен!
Марсилию наш пойдет за вами следом,
Чтоб там принять святой закон Христа.
Вот все, что он велел тебе поведать».
И поднял руки к небу Карл Великий,
Поник челом и в думу погрузился.

- 10 Поник челом могучий император,
Любил наш Карл обдумать свой ответ.
Молчал он долго — поднял взор на мавра,
И грозен был прекрасный лик его.
«Ты нам вещал пленительные речи,
Но царь Марсилию — враг смертельный мой! —
Воскликнул Карл. — Кто будет мне порукой,
Что он не лжет?» — «Заложники, — сказал
Испанский мавр, — мы десять их, пятнадцать
Дадим тебе, мой сын в числе их будет
И многие знатнейшие из мавров.
Когда ж вернешься ты, король могучий,

В престольный Ахен, в царственный Дворец,
Настанет день, — Михайлов день священный —
Приедет царь Марсилий сарагосский,
И в тех водах чудесных, что сам бог
Там сотворил для Карла-властелина,
Святой закон Христа Марсилий примет:
Он в том клялся!» И молвил Карл в ответ:
«Еще пред ним открыта дверь спасенья!»

- 11 Пылал закат, светило ярко солнце, —
Могучий Карл в конюшни белых мулов
Велел свести, в саду своем зеленом
Он для послов велел разбить шатер,
Двенадцать слуг проворных к ним приставил...
Проспали там до утра золотого
Послы испанцев. Рано встал король
И, выслушав обедню, сел под елью.
Затем велел позвать своих баронов.
(Он не хотел решать без них дела.)
- 12 Могучий Карл сидит под сенью ели.
Своих баронов он к себе зовет.
Пришел Ожье, Турпин архиепископ,
Старик Ричард, его племянник Генрих
И храбрый вождь гасконский — Аселин,
Пришел Жерен, Жерье, Тибальд из Реймса
И брат его двоюродный — Милон,
И граф Роланд с могучим Оливьером.
До тысячи сошлось баронов Карла, —
Меж ними был изменник Ганелон.
И сели все. Тогда совет был принят,
Принесший франкам столько тяжких бед.

- 13 «Бароны, — молвил франкам император, —
Марсилий-царь прислал послов своих;
Он золота, богатств сулит нам много —
Пришлет нам львов, собак борзых, медведей
И тысячу слинявших соколов,
Семьсот верблюдов, мулов, нагруженных
И серебром, и золотом арабским.
Больших повозок больше полусотни
Наполним мы богатыми дарами.
Зато уйти, не медля, должен я
Домой к себе; за мною царь Марсилий
Приедет к нам, в мою столицу Ахен,
Чтоб там принять святой закон Христа
И в ленный дар принять свои владенья.
Однако, я в сомнении великом,
Насколько мавру можно доверять».
В ответ бароны: «Будьте осторожны!»
- 14 Могучий Карл окончил речь свою,
Но граф Роланд ее не одобряет, —
Он с места встал и Карлу возразил:
«Поверить маврам может лишь безумный, —
Семь долгих лет воюешь с ними ты.
Мечом своим я добыл Вальтиэру,
Коммибль и Нобли, крепкий замок Пину,
Севилью, Валагарью и Туделлу.
Всегда Марсилий с нами поступал,
Как истинный предатель, — к нам однажды
Пятнадцать мавров он прислал своих,
В руках они держали ветвь оливы
И те же речи льстивые вешали!
У нас спросил совета Карл Великий,
И согласились мы, безумцы, с ним!

Тогда король послал двух славных графов —
Один звался Базан, другой Базилий...
У гор Алпойских мавр казнил обоих!..
Могучий Карл, громи врагов, как прежде,
Веди войска на стены Сарагоссы,
Всю жизнь свою в осаде проведи, —
Но все ж за смерть Базана, и Базиля
Марсилию ты должен отомстить!»

- 15 Поник челом великий император,
Рукой он треплет бороду, усы...
Ни слова он Роланду не ответил,
В молчанье все сидят бароны Карла...
Один лишь граф могучий Ганелон
Молчать не стал, — он выпрямился гордо
И Карлу слово смелое сказал:
«Напрасно, Карл, ты слушаешь безумных:
Будь это я иль кто-нибудь другой, —
Тому внимай, кто даст совет полезный!
Когда тебе Марсилиий обещает
Рабом твоим покорным стать и в лен
Из рук твоих принять свои владенья,
Когда закон Христа принять он хочет, —
То всякий, кто советует отвергнуть
Его мольбы, — забыл, какая смерть
Постигнет нас! Ты более не должен
Внимать речам, тщеславию внушенным, —
Великий Карл, оставь совет безумных, —
Одним советам мудрости внимай!»

- 16 Прошел вперед седой Нэмон Баварский,
Он лучшим был из всех баронов Карла:
«Ты слышал, Карл, что молвит Ганелон, —

Он прав, и ты совет его исполни:
В борьбе с тобой Марсилий изнемог, —
Ты разгромил и замки все, и башни,
И города ты в пепел обратил;
Побеждены полки испанских мавров.
Теперь Марсилий просит о пощаде;
Грехом великим будет, если ты
Его мольбы отвергнешь. Сколько хочешь,
Заложников он дать нам обещает;
Пора окончить долгую борьбу!»
В ответ французы: «Прав могучий герцог!»

- 17 «Скажите мне, бароны, — молвил Карл, —
Кого послать я должен в Сарагосу?»
«Вручите мне свой посох и перчатку,
Охотно я посланье отвезу!» —
Сказал Нэмон, баварский славный герцог.
И молвил Карл: «Ты мудрый мой советчик, —
Я не пушу тебя в столь дальний путь!
Нет! В том клянусь усами, бороною,
Не ты поедешь к маврам, в Сарагосу!
Садись и жди, пока тебя спрошу я!»
- 18 «Кого послать? Скажите мне, сеньоры», —
Спросил король. — «Меня», — сказал Роланд.
«Боюсь, чтоб вы там бед не натворили:
Вы слишком пылки, — молвил Оливьер, —
Пусть лучше я поеду в Сарагосу!»
«Молчать, бароны! — Карл воскликнул грозно. —
Я бородой клянусь вам и усами:
Никто из пэров к маврам не поедет!»
Так молвил Карл, — и стихло все вокруг.

- 19 Прошел вперед Турпин архиепископ
И так сказал: «Оставь в покое франков.
Они так много бедствий претерпели, —
Семь долгих лет в Испании ты пробыл!
Отправь меня к Марсилию с посланьем:
Сумею я с испанцем говорить!»
«Молчи, Турпин! — сказал король сердито. —
Садись вон там, на шелковый ковер,
И молча жди, пока тебя спрошу я!»
- 20 «Французские бароны, — молвил Карл, —
Вы средь моих вассалов изберите,
Кто наш ответ доставит в Сарагосу». —
Роланд в ответ: «Пусть едет Ганелон
(Он вотчим мой) — пригоднее барона
Нельзя найти». И молвили французы:
«Он лучше всех исполнит порученье!»
- 21 «Возьми, барон, мой посох и перчатку, —
Сказал король могучий Ганелону, —
Ты слышал сам: тебя избрали франки». —
И отвечал на это Ганелон:
«Всему виной один лишь твой племянник:
Пока я жив, я буду ненавидеть
Роланда, пэров, любящих Роланда,
И Оливьер, его сердечный друг, —
Отныне враг мне! Всех пред ликом Карла
На смертный бой, не медля, вызываю!»
«Как злобен ты! — воскликнул император, —
Не граф Роланд, а я тебе велю
Везти тотчас Марсилию посланье». —
«Что ж? Я готов! — ответил Ганелон, —

Но, как Базан и брат его Базилий,
Уж я сюда от мавров не вернусь!

- 22 Я еду в путь; домой не возвращался,
Кто послан был к Марсилию... Король,
Не забывай, что я твой зять, что сына
Оставил я в краю родном... красавец
Мой Балдуин, и если сохранит
Его господь, — то витязем могучим,
Отважным будет он... Мои владенья
Отдай ему; лишь ты его защитник...
Увы! Я сына больше не увижу!»
«Уж слишком ты разнежился, барон, —
Воскликнул Карл. — Велю тебе поехать —
И дольше здесь не должен медлить ты!»

- 23 Граф Ганелон во гневе и печали
Отбросил кунью шубу с плеч своих,
В одной остался шелковой тунике —
Прекрасен был могучий Ганелон:
Широкобедр и статен, — ярким светом
Его глаза лучистые горели,
И весь гроза, величествен и горд,
Стоял он там, и взоров восхищенных
С него свести бароны не могли.
Воскликнул он: «За что, Роланд, безумный,
Пылаешь ты ко мне такую злобой?
Что вотчим я — то всем давно известно!
Назначен я тобой в послы к испанцам,
Но если бог мне даст сюда вернуться —
До самой смерти горе и страданья
Твоим уделом будут!» И воскликнул
Роланд в ответ: «Твои безумны речи!

И знают все: угроз я не страшусь!
Но мудрый франк везти посланье должен,
И если Карл Великий соизволит —
Охотно я посланье отвезу!»

24 «Не сюзерен тебе я, — в Сарагоссу
Не можешь ты поехать за меня! —
Граф Ганелон Роланду отвечает. —
Сам Карл велит — и я свой долг исполню,
Но, чтобы гнев безмерный утолить,
Свершить готов я всякое безумство!»
Роланд в ответ лишь громко рассмеялся.

25 Услышал смех Роланда Ганелон,
В его груди от горя и досады
Так сжалось сердце, что едва-едва
Он устоял: «Тебя я ненавижу! —
Воскликнул он. — Лишь по вине твоей
Неправедно в послы я ныне избран!..
Правдивый Карл, я здесь перед тобою,
И что велишь — исполню в тот же миг!»

26 Могучий Карл вручил ему перчатку,
Но Ганелон далеко быть хотел бы:
Перчатку он на землю уронил.
«О боже! — все воскликнули французы. —
Ужели мы к Марсилию посла
Себе на горе ныне отправляем!»
В ответ посол: «Грядущее покажет.

27 О, государь, дозвожь мне тотчас ехать, —
Сказал посол, — я здесь не должен медлить».

А Карл в ответ: «От имени Христа.
От моего — ступай, барон!» Десницей
Могучий Карл его благословил,
Затем вручил послание и посох.

- 28 Граф Ганелон ушел в свою палатку,
Стал выбирать доспехи боевые:
Надел золотые шпоры, у бедра
Привесил меч Мурглайс, на Ташебруна,
На скакуна, вскочил, — стальное стремя
Ему держал могучий Гюйнемер
(Он Ганелону дядей был). И тут же
В слезах стояли многие вассалы:
«Могучий граф, на горе и страданья
Родился ты! — воскликнули они. —
Так много лет при Карле-властелине
Ты состоял придворным, все тебя
За славного вассала почитали...
Того, кто дал совет тебя послать, —
Могучий Карл от смерти не избавит!
Как граф Роланд подумать только смел
Послать такого знатного барона!
Владыко наш! Возьми нас всех с собою!»
И молвил граф: «Избави бог, чтоб я
На смерть повел таких баронов славных.
Нет, лучше я один погибну там!
Вернитесь вы во Францию родную
И мой привет прощальный отвезите
Супруге милой, пэру Пинабелю
И Балдуину — сыну моему.
Ему, друзья, как добрые вассалы,
И верою, и правдой послужите!» —
Так молвил он — и мчится к Сарагоссе.

- 29 Коня погнал чрез рошу из олив
Граф Ганелон; испанцев нагоняет.
(Их Бланкандрин нарочно задержал.)
Граф Ганелон с послом испанских мавров
С большим искусством стали речь вести:
Мавр Бланкандрин сказал: «Дивлюсь я Карлу:
Апулию, Калабрию он добыл
И чрез громаду волн морских соленых
С дружиной он обрушился на англов
И дань Петру заставил их платить.
За что теперь в наш край войной жестокой
Нагрянул он?» — «Так хочет Карл Великий;
Ему никто противиться не может», —
Так отвечал испанцу Ганелон.
- 30 Воскликнул мавр: «Народ бесстрашный, франки,
Напрасно только Карлу-властелину
Такие мысли гордые внушают
Бароны ваши; Карла и других
Они погубят!» — «Я таких не знаю, —
Сказал в ответ на это Ганелон, —
Один Роланд надменностью своею
Себе готовит гибель и позор!
Сидел в тени недавно император,
Пред ним в броне предстал его племянник
(Он перед тем разграбил Каркассону),
В руках своих он шар держал пурпурный
И так сказал: «Французов повелитель,
Вот я принес венцы царей земли —
Они твои!» — Дивлюсь я, как доньне
За дерзость он еще не поплатился!
Ведь каждый день себя он не жалеет;
С его кончиной мир настал бы вечный!»

- 31 «Жесток Роланд! — воскликнул Бланкандрин. —
Как? Все народы, земли все задумал
Себе забрать он: кто ж его клеветы?»
«Конечно, франки! — молвил Ганелон. —
Они его и чтут, и любят нежно,
Никто из них Роланду не изменит:
Он им дарит серебра и злата груды,
Немало сбруй и шелковых ковров,
Коней и мулов, — вое, что им угодно!
Чего ни спросит Карл — он все исполнит,
Роланд Восток и Запад покорит
Державному французскому владыке!»
- 32 Граф Ганелон и хитрый Бланкандрин
Так долго вместе ехали, что оба
Друг другу дали клятву — погубить
Могучего Роланда; в Сарагоссу
Приехали и там под кипарисом
Сошли с коней, прошли вперед — и видят:
Под сенью ели трон стоит высокий,
Он весь покрыт парчей александрийской,
На нем сидит испанцев повелитель —
Марсилий-царь, а тысяч двадцать мавров
Стоят вокруг в молчании глубоко:
Все знать хотят, что скажут им послы.
К ним Бланкандрин подходит с Ганелоном.
- 33 К Марсилию подходит Бланкандрин,
За руку держит графа Ганелона:
«Привет тебе во имя Магомета
И Аполлина, коим служишь ты! —
Воскликнул мавр. — Поведали мы Карлу

- Твои слова, но он ответа не дал,
Лишь поднял руки к небу император, —
Воздал хвалу он богу своему.
Теперь к тебе могучего барона
Сюда прислал он; этот скажет нам,
Согласен ли на мир король французов». —
«Ну, говори!» — сказал послу Марсилиий.
- 34 Граф Ганелон успел ответ обдумать,
С большим искусством стал он говорить:
«Храни тебя преславный царь небесный,
Кому всегда молиться мы должны!
Мой властелин велел тебе поведать,
Что должен ты принять закон Христа —
Тогда тебе, как ленное владенье,
Он даст земли испанской половину.
Но если ты ослушаться посмеешь —
Тебя в цепях отправят в стольный Ахен
И предадут позорной казни там!»
Смутился царь, услыша речь такую,
Своим копьём в оправе драгоценной
Хотел ударить графа Ганелона,
Но во-время эмиры удержали.
- 35 В лице тогда Марсилиий изменился,
Потряс копьём в оправе драгоценной;
Увидя то, могучий Ганелон
Свой добрый меч извлек наполовину
И так сказал: «Как ты красив и светел,
Мой добрый меч! Пока в руке моей
Сверкаешь ты — не скажет Карл Великий,
Что я один погиб в краю чужом!
Нет, раньше здесь славнейшие из мавров

За смерть мою расплатятся с тобой!»
«Разнимем их!» — кричат толпы неверных.

- 36 Знатнейшие из мавров упросили
Царя воссесть на трон высокий свой.
И так халиф сказал ему: «Француза
Не убивать, а выслушать ты должен!»
«О, государь! — воскликнул Ганелон. —
Готов снести я тяжкую обиду,
Но если б все испанские богатства
И золото со всех концов вселенной
Ты предложил мне, — я молчать не стану!
И все, что Карл Великий повелел мне
Тебе, врагу смертельному, поведать, —
Я выскажу!» Во гневе Ганелон
Отбросил с плеч могучих кунью шубу,
Покрывую парчей александрийской, —
Ее приял маститый Бланкандрин;
Не захотел с мечом своим расстаться
Граф Ганелон: его рукой он держит
За рукоять из золота литого...
Кричат толпы неверных в восхищеньи:
«Какой прекрасный витязь, полюбуйте!»

- 37 К Марсилию подходит Ганелон.
«Марсилий, царь, твой ярый гнев напрасен:
Могучий Карл, французов повелитель,
Велит тебе принять закон Христа.
Испании получишь половину,
Другою править будет граф Роланд —
И знай: Роланд кичливый соправитель!
Но если ты ослушаться посмеешь, —
Могучий Карл оцепит Сарагосу,

Велит тебя связать — и в дальний путь
На скакуне ретивом иль на муле
Тебя везти не станут, нет, — позорно
На кляче жалкой в Ахен первостольный
Поедешь ты, — и там имперский суд
Велит тебя предать позорной казни!
Читай письмо!» — и он вручил посланье.

- 38 В лице тогда Марсильи изменился,
Схватив посланье, он печать сорвал.
И все прочел: «Французов повелитель
Мне о своем напоминает гнев
За то, что я Базана и Базилья
Близ гор Алтайских некогда казнил.
Велит король прислать к себе халифа
(Он дядя мой). Такою лишь ценою
Могу спасти я жизнь и честь свою.
Не то — король меня щадить не будет!»
«О, государь! — воскликнул царский сын. —
За речь свою безумную достоин
Граф Ганелон погибнуть: разреши мне
Надменного француза наказать!»
Граф Ганелон слова его услышал,
Спиною стал к стволу зеленой ели
И добрый меч потряс в руке своей.

- 39 Марсильи-царь пошел в свой сад зеленый,
За ним пошли знатнейшие из мавров —
И Бланкандрин седой, и Юрфалей,
Марсилия наследник, а за ними
Пришел халиф. И молвил Бланкандрин:
«Марсильи-царь! Вели позвать француза,
Он мне клялся, что будет другом нам».

«Зови его!» — воскликнул царь Марсилий.
И мавр, держа за руку Ганелона,
Привел его, — и все там сообща
Безбожную измену обсуждали.

40 «Любезный граф, — воскликнул царь Марсилий, —
Безумно я, конечно, поступил,
Когда хотел во гневе вас ударить;
Зато теперь вот эту кунью шубу
Я вам дарю; за мех пятьсот червонцев
Я заплатил — и завтра в час вечерний
Я дорогой подарок вам пришлю».
«Охотно, царь, подарок принимаю,
Да наградит за то тебя господь!» —
Так Ганелон Марсилию ответил.

41 Тогда сказал Марсилий сарагосский:
«Поверьте, граф, я очень вас люблю.
Порасспросить о вашем славном Карле
Я вас хочу: уж стар владыка франков.
Его труды и старость одолели,
Ведь, говорят, ему за двести лет!
Так много стран изъездил он, так много
Ударов страшных принял щит его!
Так много Карл властителей могучих,
Лишив владений, в нищих обратил!
Когда же он сражаться перестанет?»
«Нет, не таков французов повелитель! —
В ответ на то воскликнул Ганелон. —
Кто знает Карла, тот наверно скажет:
«Вот истый рыцарь, доблестный барон!»
Нет слов таких, чтоб доблесть, благородство
И милосердье Карла описать!

Никто словами выразить не может,
Каков король, — так щедро бог всесильный
Владыку наших франков одарил!
Скорее здесь согласен я погибнуть,
Чем бросить службу Карла-властелина!»

- 42 «Дивлюсь я Карлу! — молвил царь Марсилий. —
Он стар и сед — ему за двести лет!
Так много стран обширных он изъездил,
Его так много копий пронизало,
Унизил столькох он царей могучих...
Когда ваш Карл от брани отдохнет?»
«Пока не пал Роланд, его племянник, —
Не будет мира! — молвил Ганелон. —
Нельзя найти нигде под сводом неба
Таких отважных рыцарей могучих,
Как граф Роланд и храбрый Оливьер!
Любимцы Карла, все двенадцать пэров
И двадцать тысяч рыцарей французских
Идут пред войском, — может быть спокоен
Могучий Карл — его не потревожат!»
- 43 «Да, чуден Карл! — воскликнул сарацин. —
Он стар и сед, и двести лет уж прожил;
Так много стран изъездил он, немало
Его булатных копий пронизало,
Так много он разбил царей могучих...
Когда конец наступит тяжкой брани?»
И так сказал изменник Ганелон:
«Когда Роланда смерть в бою постигнет;
До сей поры ни Запад, ни Восток
Еще такого витязя не видел!
Двенадцать пэров — все любимцы Карла —

И двадцать тысяч рыцарей французских
Идут пред войском нашим, — и никто
Не будет страшен Карлу-властелину».

- 44 «Любезный друг! Красавец Ганелон! —
Воскликнул царь. — И мой народ прекрасен,
Четыреста могу набрать я тысяч
И в бой вступить с дружиной короля!»
«Теперь не время, — граф ему ответил, —
Своих людей лишь даром ты погубишь.
Нет, не безумно, — мудро поступать
Ты должен, царь: пошли подарки Карлу
И приведи французов в восхищенье,
Заложников пошли ты Карлу двадцать:
Уйдет король во Францию-красу.
Роланд и с ним учтивый, храбрый витязь
Граф Оливьер останутся на страже.
Тот и другой себе обрящут смерть,
Унижена тем будет гордость Карла,
И больше он не вступит с вами в бой!»
- 45 «Граф Ганелон, скажите мне, прошу вас, —
Воскликнул царь, — как нам убить Роланда?»
«Все это я подробно объясню, —
Так Ганелон Марсилию ответил. —
Достигнет Карл ущелий Цезарийских
И за собой отборную дружину
Оставит там: останется Роланд
И Оливьер, и двадцать тысяч войска.
Пошли сперва сто тысяч сарацин:
Большой урон потерпит войско франков;
Но за твое я также не ручаюсь!
Другую рать веди тогда на бой:
Едва ли, после двух таких сражений,

- От гибели спасется граф Роланд;
И твой поход удача увенчает,
И долгий мир в награду ты вкусишь!
- 46 Да, если там убьете вы Роланда, —
Великий Карл руки лишится правой, —
Рассеются могучие дружины,
Таких уж больше Карлу не набрать!
И Франция великая пребудет
В покое вечном!» Царь испанских мавров
За речь такую обнял Ганелона
И показал ему свою казну.
- 47 И молвил царь (они договорились):
«Что пользы нам в совете, если мы
Советчику не верим безусловно?
Клянись, граф, Роланду изменить!»
Граф Ганелон на это согласился
И на мощах, сокрытых в рукоятке
Его меча, клянется Ганелон.
Так гнусное свершилось преступленье!
- 48 Стояло там слоновой кости кресло,
Велел Марсильи книгу принести:
В ней был закон написан Мухамеда
И Тервагана. Мавр на ней клянется,
Что если он в полку сторожевом
Роланда встретит, — всю свою дружину
Пошлет на бой, чтоб пал могучий граф.
«Да будет так!» — сказал посланец Карла.
- 49 Туда пришел язычник Вальдабрин:
Им посвящен был в рыцари Марсильи.

С улыбкою он молвил: «В знак приязни,
Граф Ганелон, возьми мой добрый меч:
Нет лучшего нигде, — за рукоятку
Я тысячу червонцев заплатил, —
Он твой, но так устрой, чтоб мы Роланда
Застали там, в полку сторожевом».
Граф Ганелон ответил: «Все исполню».
И с мавром он целуется в уста.

- 50 И Климорин пришел туда язычник,
С улыбкой так он молвил Ганелону:
«Возьми мой шлем: нет лучшего на свете.
Но так устрой, чтоб был Роланд унижен».
«Да будет так!» — ответил Ганелон,
И Климорин в уста его целует.
- 51 Пришла туда царица Брамимонда.
«Мне мил ты, граф, прекрасный Ганелон,
Мой властелин и все его бароны
Тебя и чтут и любят, — от меня
Жене своей сvezи запястья эти:
Ничто пред ними все богатства Рима
И нет таких у Карла твоего, —
Чистейшее здесь золото, аметисты
И чудные рубины и топазы!»
Граф Ганелон их спрятал в свой сапог.
- 52 Велел позвать Марсилию казначея.
«Мальдвин, ты всё для Карла приготовил?» —
Спросил он Мавра. — «Как же, государь, —
Ответил тот: — семьсот верблюдов золотом
И серебром велел я нагрузить
И юношей послал знатнейших двадцать!»

- 53 Марсилиий взял за плечи Ганелона:
«Ты мудрый франк, ты доблестный барон,
Тебя твоей я верой заклинаю
Не изменять приязни нашей, — много
Тебе я дам богатств, пришло я мулов,
Арабским чистым золотом нагруженных, —
Всех десять будет мулов; ежегодно
Тебе их столько буду посылать!
Возьми ключи обширной Сарагоссы,
Отдай подарки Карлу, так устрой,
Чтоб встретил я Роланда средь ушей, —
В жестокий бой мы вступим с ним тогда».
«Уж мне пора!» — сказал в ответ на это
Граф Ганелон — и шпоры дал коню.
- 54 Уж приближался Карл к своим владеньям,
С дружиной в город Гальну прибыл он.
Разрушенный Роландом, этот город
Был на сто лет в пустыню превращен.
Ждет Карл вестей и дани от испанцев.
Граф Ганелон вернулся на заре.
- 55 Встал на заре король, пошел к обедне,
Затем на луг зеленый вышел он
Перед шатром. К нему сошлись бароны:
Пришел Роланд, учтивый Оливьер,
Пришел Нэмон и многие другие;
Граф Ганелон, изменник и предатель,
С большим коварством начал говорить.
«Храни тебя господь! — он молвил Карлу, —
Тебе ключи привез я Сарагоссы,
Заложников, богатые дары!
Неверных царь тебя смиренно просит

Не гневаться на то, что он халифа
Прислать не мог, — я сам был очевидцем
Того, как триста тысяч сарацин,
Надев стальные шлемы и кольчуги
И взяв мечи в оправе драгоценной,
В далекий путь поплыли по волнам.
Седой халиф поехал с ними вместе:
Никто из них креститься не желал!
Четыре лье проехали уж мавры, —
Вдруг страшный вихрь нагрянул, — все они
Средь волн морских погибли безвозвратно!
Да, если бы халиф остался жив, —
Он был бы здесь!.. Чрез месяц, даже раньше,
Приедет царь принять закон Христа
И, пред тобою стоя на коленях,
Как ленный дар, Испанию получит».
«Хвала творцу! — воскликнул император. —
Доволен я: ты будешь награжден!»
Гремят французов трубы боевые,
Навьючили дружины Карла мулов
И все идут во Францию-красу.

- 56 Опустошил страну испанских мавров
Могучий Карл: он замки взял и башни
И города неверных разгромил.
И молвил Карл: «Конец войне жестокой!»
Он мчится к милой Франции прекрасной...
На холм Роланд знамена водрузил.
По всей долине франки стали станом.
Меж тем идут оврагами испанцы,
Надели все кольчуги, шлемы, каждый
Свой добрый меч привесил у бедра,
Все мавры держат копыя наготове.

В лесу, среди гор, четыре сотни тысяч
Там ждут зари... О горе! Наши франки
Еще того не ведают, не знают!

57 Проходит день, стусился сумрак ночи,
Могучий Карл почил — и видит сон:
Он у Ворот широких Цезарийских,
В руке копьё из ясени он держит,
Вдруг Ганелон схватил копьё, тряхнул —
И от него осколки разлетелись...
Все спит король — до утра не проснулся.

58 И сон иной увидел император:
Он в Ахене сидит в своем соборе,
И вдруг — медведь бросается на Карла
И за руку хватает; с гор Арденнских
На Карла мчится страшный леопард,
Но в то же время быстрыми прыжками
И пес борзой спешит на помощь Карлу,
Он у медведя ухо откусил
И с леопардом в бой вступил жестокий.
«Великий бой!» — кричат дружины франков,
Но чья победа — Карл того не знает...
Все спит король... до утра! не проснулся.

59 Проходит ночь, заря зажглась на небе,
Во весь опор несется император.
Вокруг гремит до тысячи рогов,
И молвил Карл: «Ужасен ряд ущелий,
Кого бы нам оставить здесь на страже?»
«Пусть здесь стоит мой пасынок Роланд,
Он всех храбрей!» — сказал в ответ изменник
Граф Ганелон, но Карл взглянул сурово:

«Да ты сам бес! Какой смертельной злобой
Пылаешь ты! — воскликнул он. — А кто же
Передние дружины поведет?»

А тот в ответ: «К тому всего пригодней
Могучий вождь из Дании — Ожье».

- 60 Услышав то, Роланд, как истый рыцарь,
Стал говорить: «Спасибо, Ганелон,
Поставлен я тобою здесь на страже,
И славный Карл, французов повелитель,
Пока я здесь, ни мулов, ни коней,
Ни скакунов ретивых не лишится:
За каждого из вьючных мулов Карла
Мой меч врагов заставит заплатить!»
Граф Ганелон сказал: «Все это верно!»
- 61 Роланд, узнав, что полк сторожевой
Ему назначен, в сильном гневе молвил:
«Граф Ганелон, презренный трус, предатель,
Ты ждал, что я перчатку уроню, —
Как ты тогда на землю бросил посох?»
- 62 Роланд сказал: «Великий император,
Вручи мне лук, что держишь ты в руках:
Не заслужу, надеюсь, в том упрека,
Что я его на землю уронил,
Как Ганелон, когда он брал твой посох».
Поник челом великий император,
Рукой усы и бороду он треплет
И горько вдруг заплакал, зарыдал.
- 63 Пришел туда седой Нэмон Баварский.
Он лучшим был из всех баронов Карла:

- «Сердит Роланд за приговор, — никто
На страже здесь стоять не захотел бы!
Великий Карл, вручи ему свой лук!»
- 64 Могучий Карл позвал к себе Роланда:
«Оставлю я тебе, племянник милый,
Своих дружин великих половину, —
Они тебя от гибели спасут!»
«Нет, ни за что! — сказал Роланд на это. —
Себя и род свой я не посрамлю!
При мне оставь лишь двадцать тысяч войска,
Иди спокойно; если жив я буду —
Никто тебя, король, не потревожит!»
- 65 И на коня вскочил тогда Роланд,
Стал Оливьер, его товарищ, рядом,
Примкнули к ним Одон, Жерен, Жерье,
Самсон, Жерард-старик из Руссильона
И Энжелье, могучий вождь гасконский,
И Беранжье. — «Пойду охотно с вами», —
Сказал Турпин. — «Я также не отстану, —
Сказал Готье, — не брошу я Роланда,
Он мой сеньор». Всего баронов Карла
Они избрали ровно двадцать тысяч.
- 66 Позвал Роланд к себе Готье де Л'Ом:
«Возьми, барон, до тысячи французов,
Займи ущелья, горные высоты,
Чтоб не понес ущерба славный Карл». —
«Все для тебя готов я сделать!» — молвил
В ответ Готье; он занял все высоты
И, что бы с войском франков ни случилось,
Он не сойдет: семьсот баронов Карла

Там обнажат булатные мечи.
Царь Альмарис, бельфернский повелитель,
В жестокий бой вступил тогда с Готье.

- 67 Высоки горы, мрачен ряд ущелий,
Среди теснин камней чернеют груди...
Весь день уныло шли дружины Карла,
На много лье вокруг был слышен гул.
Когда дошли до Франции великой,
Увидели Гасконь — владенье Карла,
О многом здесь припомнили они:
О почестях, поместиях и ленах,
Об юных девах, женах благородных
Заплакали французы в умиленьи, —
Но больше всех печален император:
Среди теснин, в краю чужом, среди гор
Оставил он племянника, Роланда —
И славный Карл заплакал, зарыдал.
- 68 У врат испанских все двенадцать пэров
И двадцать тысяч витязей отборных
Стоят на страже, робости не зная,
О гибели не думают они.
А славный Карл уж к Франции прекрасной
В то время шел: наполнены слезами
Его глаза, и бороду седую
Он рвет в печали; рядом на коне
Нэмон гарцует: «Что тебя печалит?» —
Спросил он Карла. — «Празден твой вопрос! —
Ответил Карл. — От горя и досады
Я не могу потоки слез сдержать!
Граф Ганелон людей моих погубит, —
Сегодня ночью ангел мне явился.

И вещий сон явил очам моим:
Мне чудилось, что в щепки разлетелось
В руках моих копье; его разбил
Граф Ганелон: ведь он совет нам подал
Роланда там, в земле чужой, оставить!..
О боже! Если он в бою погибнет, —
Никто его не может заменить!»

- 69 Рыдает Карл, идут печально франки,
Боятся все, трепещут за Роланда.
Изменник-франк его неверным предал
За золото, за ценные подарки:
Забрал он много шелковых ковров,
Коней ретивых, мулов, львов, верблюдов...
Марсилий-царь зовет свои дружины,
Всех кличет он князей, эмиров, графов,
Детей их, всех вассалов, — в трое суток
Четыреста он тысяч их набрал.
Со всех сторон рокочут барабаны,
И на вершине башни высочайшей
Поставлен идол бога Мухамеда.
И все к нему молитвенно зывают,
Затем идут через горы и долины —
И вот пред ними франкские знамена
И пэров стан. Уж близок страшный бой.
- 70 Несется вскачь Марсилия племянник,
Копейным древком мула погоняет;
И молвил он с улыбкою царю:
«О, государь! Тебе служил я долго,
Терпел немало бедствий и трудов
И доставлял тебе не раз победу!
Как ленный дар, прошу я разрешенья

Убить Роланда; весь наш край родимый
С ущелий Аспры вплоть до Дюрестана
Свободным будет! Карл от битв устанет,
Сдадутся франки, мир настанет вечный!»
Перчатку дал ему Марсилья-царь.

- 71 Перчатку взял Марсилья племянник
И гордо дяде молвил: «Государь,
Велик твой дар; одиннадцать баронов
Ты избери среди своих дружин:
Ударим мы на славных пэров Карла».
И Фальзарон на зов ответил первым
(Он брат царя): «С тобой, племянник, вместе
Помчимся мы — и горе страже франков:
Так суждено — погибнут все они!»
- 72 Царь Корсаблис, берберов повелитель,
Коварный мавр, как истинный барон,
Стал речь держать: «За все богатства мира,—
Воскликнул он, — не стал бы трусом я!»
А вот и мавр Мальпримий из Бригаля:
Бежать он мог быстрее скакуна,
И молвил он: «В долину Ронсевалья
Поеду я — и если попадетсЯ
Мне там Роланд, то я его убью!»
- 73 Там был еще эмир из Валагарьи, —
Он строен, горд, и счастьем сияет
Надменный лик. Вскочив на скакуна,
Гордится мавр доспехами своими
(О храбрости его гремит молва).
Царю неверных стал он дерзко хвастать:
«Поеду я в долину Ронсевалья,

И если там мне встретится Роланд, —
Погибнет он и друг его прекрасный
Граф Оливьер, и все двенадцать пэров.
Позор и смерть там ждут дружины франков,
От старости ума лишился Карл!
На нас идти он больше не посмеет, —
Владеть страной спокойно будем мы!»
Благодарит язычника Марсилий.

- 74 Там был эмир могучий мавританский;
Коварней всех испанцев этот мавр.
Царю неверных стал он дерзко хвастать:
«Своих бойцов с собою двадцать тысяч,
Вооруженных копьями, щитами,
Я поведу в долину Ронсеваля,
И если там мне встретится Роланд,—
Я в том клянусь — погибнет он, и будет
По нем всю жизнь рыдать могучий Карл».
- 75 Там был Тургис, могучий граф тортозский, —
Он истребить мечтает христиан.
Подъехал он к другим испанским пэрам
И так сказал: «Марсилий, будь спокоен,
Наш бог сильней, чем Петр святой из Рима,
Моли его — и он победу даст!
Близ Ронсеваля встречу я Роланда,
Его никто от смерти не спасет:
Смотри — вот меч, великий меч булатный,
Скрещу его я ныне с Дюрандалем,
Увидишь, царь, чье будет торжество!
Да, если франки встретить нас посмеют, —
Их гибель ждет, а старый Карл от срама
Надеть венец свой больше не посмеет!»

- 76 Среди дружин язычников испанских
Воскликнул граф вальтьерский— Эскремис:
«Собыю я спесь французов в Ронсевале,
И если там мне встретится Роланд, —
Погибнет он, и с ним его дружины,
И Оливьер, и все двенадцать пэров.
Отныне будет Франция безлюдной,
Лишится всех своих вассалов Карл!»
- 77 Марсилиий-царь позвал Эстамарина
И Эсторгана — двух безбожных мавров:
«Ступайте вы, сеньоры, в Ронсеваль,
С передовым полком на бой идите,
Чтоб мне помочь вести мои полки».
«Исполним все! — сказали сарацины. —
Мы бросимся все вместе на Роланда,
На Оливьера, пэров и других:
Никто из них от смерти не спасется!
Наш острый меч багряной, свежей кровью
Окрасим мы. Оплачет император
Своих баронов. Мы тебе добудем
И Францию, и Карла самого!»
- 78 Граф Маргарис к царю примчался быстро:
Севильский вождь, властитель стран приморских,
Он лучшим был из витязей испанских,
Любимец дам, красавец-богатырь;
Его увидев, — каждая смеялась.
И молвил он: «Марсилиий сарагосский,
Не бойся франков: я убью Роланда,
И Оливьер от смерти не уйдет!
Себе на горе там остались пэры,
Свой добрый меч, в оправе драгоценной,

Подарок славный примского эмира,
Окрашу я багряной, свежей кровью, —
Враги погибнут, Францию позор
Покроет вечный. Горе и досада
Постигнут Карла хилого, седого.
Лишь год пройдет — мы Францию захватим,
Служить нам станом будет Сен-Денис!»
В ответ Марсильи низко поклонился.

- 79 Там был еще Шернублий с «Черных гор» —
До самых пят его спадают кудри,
В его руке огромная дубина:
Четыре мула палицу такую
Не могут сдвинуть, — он играет ею!
Шернублий этот прибыл издалека:
В его стране не блещет солнца луч,
Там нет росы, хлеба расти не могут,
Черны там камни, даже уверяют,
Что там бывают сборища чертей!
«Мой добрый меч при мне! — сказал Шернублий. —
Окрашу я его в багряный цвет!
При Ронсевале встречу я с Роландом, —
Поверь мне, царь, добуду Дюрандаль!
Враги погибнут, Францию постигнет
Позор и гибель!» — так сказал Шернублий.
Идут на бой все пэры сарацины,
Берут своих язычников сто тысяч, —
И вот в бору они вооружались.

- 80 Тройные брони мавры надевают,
У всех щиты, мечи из крепкой стали,
А шлемы их — работы сарагосской.
Торчат рядами копыя боевые,

И веют мавров пестрые значки,
Окрашенные в темный цвет и в белый,
И в красный цвет. Сошли с дорожных мулов
И на коней вскочили сарацины.
Был ясный день, светило ярко солнце,
Метали сбруи тысячи огней,
И множество рогов вокруг гремело.
Великий гул слышали французы.
«Товарищ мой! — воскликнул Оливьер. —
Сдается мне, что ныне с сарацином
Жестокий бой французам предстоит».
Роланд в ответ: «Ну, что же, слава богу,
За короля должны мы храбро биться:
Обязан каждый витязь за сеньора
Терпеть лишенья, раны, холод, зной,
Жалеть не должен кровь свою и тело!
Товарищи! Сплеча рубите мавров,
Чтоб песнь о нас позорную сложить
Не мог никто. Всевышний не за мавров,
Ведь наше дело правое — святое, —
Худой пример я не подам, друзья!»

- 81 Граф Оливьер взошел на холм высокий,
Взглянул направо он на луг зеленый
И видит там испанских сарацин.
«Товарищ мой! — Воскликнул он и Роланду. —
Встает гроза из-за испанских гор!
О, сколько белых панцырей, как пламя
Сверкают шлемы, — плохо нам придется,
И это знал коварный Ганелон, —
Он дал совет на страже нас оставить!»
Роланд в ответ: «Замолкни, Оливьер:
Он вотчим мой, не смей его порочить!»

- 82 На холм крутой взобрался Оливьер,
Увидел он испанские долины
И все войска неверных сарацин:
Сверкают брони, копья со значками,
Блестят щиты, и шлемы золотые,
Одних полков не мог он сосчитать;
Сошел с горы в смущенье и печали
И все подробно франкам рассказал.
- 83 «Испанских мавров видел я так много,
Как ни один из смертных не видал!
Пред нами их не менее ста тысяч:
У всех щиты, прямые копья, брони,
Надели все стальные шишаки.
Да, будет бой, какого не бывало!
Храни вас бог, товарищи французы!
Не уступайте поля битвы маврам,
Не дайте им победы одержать!»
«Будь проклят тот, кто дрогнет! — молвят франки. —
С тобою все мы ляжем здесь костями!»
- 84 И молвил граф: «Испанцев много тысяч, —
Немного нас! Роланд, товарищ милый,
Трубите в рог, — услышит император,
Вернется он, — и с ним все войско наше».
Роланд в ответ: «Безумцем буду я,
Покроюсь я во Франции позором!..
Не в рог трубить, — мечом стальным я должен
Врагов разить, и кровию багряной
Покроется мой добрый Дюрандаль
До золота тяжелой рукоятки!
Пришли себе на горе сарацины:
Ручаюсь вам, погибнуть все должны!»

- 85 «Трубите в рог, Роланд, товарищ милый, —
Услышит Карл, на помощь к нам, не медля,
Примчится он со всей своей дружиной».
Роланд в ответ: «Избави бог, чтоб я
Всех родичей своих покрыл позором
И Францию родную осрамил!
Мой добрый меч работать славно будет,
В багряный цвет окрасится булат,
Испанским маврам плохо здесь придется:
Погибнут все, я в том клянусь, друзья!»
- 86 «Роланд, товарищ, в звонкий рог трубите, —
Услышит Карл, проходит он ущелья, —
Ручаюсь вам, вернется войско франков».
Роланд в ответ: «Избави бог, чтоб люди
Могли сказать, что в рог я затрубил
Из-за поганых, — родичей и близких
Не опозорю я таким упреком!
Когда ж настанет час великой битвы, —
Всего ударов тысячу семьсот
Я нанесу неверным, — свежей кровью
Окрасится мой добрый Дюрандаль!
Надежны франки, вместе на испанцев
Ударим мы, — и все они погибнут!»
- 87 «Не знаю, в чем тут может быть позор? —
Так Оливьер Роланду отвечает. —
Я видел сам испанских сарацин,
Покрыты ими горы и долины:
Им счета нет, а нас уж слишком мало!»
«Я тем сильнее рубиться с ними буду! —
Так граф Роланд товарищу ответил. —
Да не допустит бог, ни все святые,

Чтоб Францию покрыл позором я!
Скорее смерть, чем срам! За то и любит
Нас славный Карл, что драться мы умеем!»

- 88 Мудр Оливьер, а граф Роланд бесстрашен,
Известны оба доблестью своею.
Надели брони, сели на коней,
Их смерти страх от битвы не удержит.
Бесстрашны графы, их надменны речи, —
Язычники испанские на франков
Несутся вскачь. «Смотрите, близко враг
И далеко могучий император, —
Сказал Роланду храбрый Оливьер. —
В свой зычный рог трубить вы отказались,
Здесь был бы Карл, и мы б спаслись от смерти:
Смотрите, там идут у гор, близ Аспры,
Последние унылые ряды
Его дружины! Мы права не имеем
На них пенять! Увы, в последний раз
Мы с вами, граф, на страже здесь стояли!»
Роланд в ответ: «Твои обидны речи,
Позор тому, чье дрогнет сердце, твердо
Здесь станем мы, — жестокие удары
Не нас, а войско мавров поразят!»

- 89 Когда увидел граф Роланд могучий,
Что близок бой, — он стал надменным, грозным,
Стал гордым он, как лев иль леопард.
«Друг Оливьер, оставь такие речи! —
Сказал Роланд. — Великий император
Оставил с нами двадцать тысяч войска,
Не чаял он, что есть меж ними трус!
Обязан каждый рыцарь за сеньора

Терпеть и зной, и холод, и лишенья;
Жалеть не должен кровь свою и тело!..
Друг Оливьер, рази копьём булатным,
Рубить врагов я буду Дюрандалем,
Его мне дал великий император,
И если здесь меня постигнет смерть, —
Кому мой меч достанется, тот скажет;
«Владел им верный, доблестный вассал!»

- 90 В Другом конце Турпин архиепископ
Коня пришпорил, въехал на пригорок,
Позвал французов, слово им сказал:
«Бароны, здесь на страже нас оставил
Могучий Карл; должны мы пасть за веру
И короля; всем ясно видно вам,
Что близок бой, — у вас перед глазами
Дружины все испанских сарацин.
Покайтесь в грехах своих — и к богу
С горячею молитвой обратитесь!
Во всех грехах получите прощенье,
И если здесь погибнуть вы должны,
То в рай цветущий все вы попадете,
К святым страдальцам всех причислят вас!»
Сошли с коней французские бароны,
Архиепископ всех благословил
И приказал им, вместо эпитимьи,
Рубить сплеча поганых сарацин.
- 91 С колен вскочили франкские бароны, —
От всех грехов очищены они.
Благословил их всех архиепископ,
На скакунов своих садятся франки,
Надели все доспехи боевые —
На бой готовы. Молвит граф Роланд:

«Друг Оливьер, вы правду говорили:
Нас всех обрек на гибель Ганелон,
Он взял за то несметные богатства,
И должен Карл жестоко отомстить!
Да, нас купил неверных царь Марсилиий,
Но с ним теперь расплатятся мечи!»

- 92 Чрез горные испанские теснины
Промчался граф Роланд на Вейлантифе,
На скакуне своем. Прекрасен граф,
Ему к лицу доспехи боевые,
В руках он держит острое копье,
Играет им, и к небу голубому
Подъемлет он стальное острие;
К копью значок привешен белоснежный,
И от него до самых рук спадают
Златые ленты. Горд Роланд могучий,
И счастьем блистает лик его.
Гарцует рядом друг его прекрасный...
«Ты наш оплот, ты славный наш защитник!» —
Кричат Роланду франкские полки.
Он бросил взгляд суровый на неверных,
С любовью нежной смотрит на французов
И ласковое слово им сказал:
«Товарищи, коней своих сдержите,
Идут себе на гибель сарацины,
Захватим мы великую добычу,
Какой никто из франкских королей
Не добывал доньше». Так он молвил.
На бой дружины начали сходиться.

- 93 «Не стоит спорить! — молвил Оливьер. —
В свой рог трубить, Роланд, вы не хотели —

Далеко Карл, не знает он, конечно,
Что здесь нам бой сегодня предстоит!
Нельзя винить его и прочих франков...
Вперед, за мной, вперед, мои бароны,
Я богом вас, сеньоры, заклинаю
Не отступать, рубитесь вы сплеча;
Лишь об ударах ныне помышляйте,
Не забывайте клич призывный Карла!»
И грозный клич пронесся по ущельям;
Кто раз слышал «Монжой и Сен-Денис!»,
Тот знал, что значит доблесть и отвага!
Помчались гордо франки на неверных,
Осталось им одно — рубить врагов,
Но сарацины также не робеют;
Смотрите, вот сошлись на бой дружины!

- 94 На скакуне гарцует Аэльрот,
Испанский мавр, Марсилия племянник;
Пред строем мавров выехал и дерзко
Он крикнул франкам нашим: «Эй, вы, трусы!
Должны вы здесь сегодня драться с нами,
И тот, кто вам защита и оплот, —
Великий Карл вас предал в руки наши!
Безумьем было вас в горах оставить;
Погибнет слава Франции-красы!
Могучий Карл руки лишится правой!»
Услыша то, к нему примчался быстро,
Пылая злобой, храбрый граф Роланд,
Всей мощью он ударил сарацина
И щит пробил, пронзил броню и грудь,
Спинной хребет рассек он сарацину
И кости все грудные раздробил,

Стальным копьём из тела вышиб душу!
Насквозь копьё прошло чрез шею, мавра.
От страшного удара Аэльрот
На скакуне ретивом зашатался
И наземь пал. И к мертвому воскликнул
Могучий граф Роланд: «Презренный, знай:
Наш император славный — не предатель
И не безумец; здесь оставив франков,
Он поступил, как Истинный барон!
Нет, Франции здесь слава не погибнет!
Разите их, вперед, мои французы,
Разите их — удар наш первым был!
За нас господь, — он маврам не поможет!»

- 95 Там был еще язычник Фальзарон, —
Он брат царя, земли Дафанской герцог
И Абирона мощный повелитель.
Никто ужасней мавра не видал:
Меж глаз его пространство больше локтя!
Увидел он племянника паденье,
Пылая гневом, вышел из толпы
И бросился с призывным криком мавров:
«Здесь честь погибнет Франции-красы!»
Граф Оливьер слова его услышал,
Вонзил коню в бока золотые шпоры
И поразил, как истинный барон:
Он щит пробил, рассек все кольца брони,
С копьём значок испанцу в грудь вогнал,
С седла на землю бросил сарацина;
Тот мертвым пал, — и молвил Оливьер:
«Нас не страшат, презренный, ваши речи!
Разите их, друзья, победа наша!»
И крикнул он победный Карла клич.

- 96 Царь Корсаблис, берберов повелитель,
Сказал тогда дружинам сарацин:
«Не трудно нам сегодня с ними биться;
Так мало их, презрения достойны
Полки французов, Карл помочь бессилен,
Их час настал!» Услышал речь Турпин.
Исполнен гнева, мчится он к испанцу,
Златые шпоры в бок коню вонзив.
Жесток удар: в осколки разлетелся
Испанца щит, насквозь броня пробита...
И в грудь копьё всадил врагу Турпин.
И Корсаблис упал с коня сраженный.
Взглянул Турпин — язычник нечестивый
Лежит в пыли: «Ты лжешь, поганый мавр! —
Сказал Турпин. — Великий император —
Защитник наш: не дрогнут наши франки,
Твоих друзей мы всех побьем сегодня,
А ты — двойною смертию умрешь!
Разите их, не медлите, французы,
Хвала творцу — удар наш первым был!» —
Так молвил он и крикнул клич победный —
«Монжой!» — чтоб поле битвы удержать.
- 97 Жерен копьём Мальпримия ударил, —
Динария не стоит мавра щит:
Хрустальное наверхье разлетелось,
Распался щит на несколько кусков.
Жерен прорвал броню одним ударом
И в грудь врагу всадил свое копьё.
Тогда с коня на землю мавр испанский
Сраженным пал, — взял душу сатана.
- 98 Жерье копьём эмира поражает,
Он щит пробил, рассек на мавре броню,

Копье всадил врагу он прямо в сердце:
Жесток удар — насквозь через тело мавра
Прошло копье — эмир упал сраженным...
«Вот бой — так бой!» — воскликнул Оливьер.

- 99 Самсон эмира также порождает,
Он щит пробил с цветами золотыми,
Не защитили мавра также латы:
Прошло копье через легкие, через сердце...
Не знаю, то достойно слез или смеха, —
Сраженным пал на землю сарацин.
«Хорош удар!» — сказал архиепископ.
- 100 Граф Ансеис пришпорил скакуна,
Тургиса он, тортозского владыку,
Ударил в щит под самое наверхше:
Распался щит, дубленую броню
Граф Ансеис прорвал на сарацине;
Могучий франк копье направил верно,
Насквозь пронзил врага, тот мертвым пал.
«Удар могуч!» — сказал племянник Карла.
- 101 Бордосский граф гасконец Энжелье
Помчался быстро к мавру Эскремису
И золотом покрытый щит пробил,
Прорвал броню и в грудь врага ударил, —
И мертвым пал на землю Эскремис,
А граф сказал: «Всех вас постигнет гибель!»
- 102 Одон-силач ударил Эсторгана,
Щит расписной насквозь пробил Одон,
Прорвал броню своим копьем булатным —
Все тело мавра он насквозь пронзил,

Сраженного врага поверг на землю.
«Да, вас никто от смерти не избавит!» —
Воскликнул зычно славный граф Одон.

- 103 Вот Беранжье разит Эстамарина:
Он щит пробил и броню растерзал,
Свое копьё вонзил он мавру в сердце,
Средь тысячи врагов его убил.
У сарацин уж все погибли пёры, —
Всего в живых осталось только двое:
Граф Маргарис и с ним Шернублий — вождь.
- 104 Граф Маргарис был витязем могучим:
Красив он, статен, легок и проворен,
Пустил коня на графа Оливьера,
Близ золотом покрытого навершья
Он щит пробил; его копьё скользнуло
Вдоль по бедру, — но тела не коснулось.
А Маргарис помчался быстро дальше;
Он в рог трубит — зовет свои полки.
- 105 Все шире, шире бой распространился,
Роланд себя нимало не жалеет —
Копьём разит испанских сарацин.
Пятнадцать он нанес ударов маврам,
И вот — копьё на щепки разлетелось!
Тогда Роланд извлек свой Дюрандаль,
Пустил коня, Шернублия ударил
И шлем рассек, камнями покрытый,
Стальной шишак рассек и волоса,
Глаза рассек, лицо и грудь, и броню,
Спинной хребет, рассек седло золотое, —
В спине коня завяз булатный меч, —

И конь, и мавр на поле битвы пали.
«Презренный мавр! — сказал племянник Карла. —
В недобрый час сюда явился ты!
Твой Магомет тебе помочь бессилен, —
Нет, не таким, как ты, нас победить!»

106 Помчался вскачь Роланд по полю битвы,
В его руке булатный Дюрандаль.
О, если б вы тогда его видали!
Как он рубил неверных сарацин!
Багряным стал булатный меч Роланда,
Покрыты кровью руки, плечи, броня
И добрый конь до самых бедр крутых.
Граф Оливьер и все двенадцать пэров
Не отстают, французы колют, рубят...
Покрыли сплошь великой битвы поле
В предсмертных корчах груды сарацин.
Тогда Турпин воскликнул в восхищенье:
«Эх, хорошо бароны бьются наши!» —
Гремит «Мошкой!» — победный Карла клич.

107 Вот Оливьер по полю битвы мчится:
В его руке осколок от копья;
Помчался граф на мавра Мальзарона
И щит разбил, украшенный цветами;
Глаза и мозг испанца от удара
К его ногам упали на траву.
Граф Оливьер убил семьсот неверных —
И все копьё на щепки разлетелось,
«Что вижу я? — воскликнул граф Роланд. —
Друг Оливьер, ты ныне безоружен!
Не так сегодня с нами бьются мавры,
Чтоб их могли дубиной мы прогнать!

Нам сталь нужна! и твердое железо!
Куда девал ты свой булатный меч,
Свой Альтеклер, на нем золотые дужки,
Из хрусталя вершины рукоятки?»
— «Мне недосуг извлечь его! — ответил
Граф Оливьер. — Врагов разить я должен!»

108 Граф Оливьер извлек свой меч булатный,
Об нем Роланд недаром вопрошал, —
Граф Оливьер свой меч ему являет:
Юстина он язычника ударил,
Рассек чело и латы расписные,
Рассек коня, — упал на землю всадник
И добрый конь. — «Товарищ Оливьер,
Такой удар оценит император,
Отныне будь ты мне названный брат!» —
Так граф Роланд воскликнул к Оливьеру,
И клич «Монжой!» опять гремит победно.

109 На скакуне Сореле граф Жерен
И граф Жерье на быстром Пассе-Серфе
Помчались вместе к мавру Тимозелю,
Один его ударил прямо в щит,
Другой — в блестящий панцырь; оба разом
Сломали копья в теле сарацина, —
И мавр с коня на луг упал сраженный.
Не знаю я наверное, кто прежде
Его ударил — храбрый ли Жерье,
Иль вождь Жерен, его товарищ, славный...
Вождь Энжелье, бордосский граф могучий,
Своим копьем пронзил Эспервериса,
Турпин поверг на землю Синьорела,
Что был волхвом и в ад уж раз спустился.

(Ему Юпитер чарами своими
Помог сойти.) — «Вот истый негодяй,
Поганый мавр!» — сказал архиепископ.
«Убит, проклятый! — молвил граф Роланд. —
Брат Оливьер, могуч удар Турпина!»

- 110 Все жарче бой: жестокие удары
Валят на землю франков, сарацин...
Одни разят, другие отражают
Напор врагов, — и сколько острых копий
Разбито там и кровью обагрилось!
Разорваны знамена и значки.
О, сколько франков юных там погибло:
Им не видать ни жен, ни матерей,
Ни короля, что ждет среди ущелий!
- 111 Карл тщетно ждет, и плачет, и рыдает...
Что пользы в том? Помочь не в силах он.
Граф Ганелон-предатель им на горе
Отправлен был к Марсилию послом.
За то потом он жизнью поплатился:
Имперский суд, что в Ахене был созван,
Его к позорной казни присудил,
А вместе с ним от смерти не спаслися
И тридцать знатных родичей его!
- 112 А бой кипит, ужасный бой кровавый:
Роланд и вождь могучий Оливьер
Разят сплеча. Турпин архиепископ
Врагам ударов тысячу нанес.
Не отстают от них двенадцать пэров,
И дружно бьются франкские полки, —
Неверных сотни, тысячи погибли:

Кто не бежит, тот падает на месте...
Но франки также лучшие побиты
И большинство оружия лишены.
Им не видать ни родичей, ни близких,
Ни Карла, — он их тщетно ждет средь гор...
Во Франции чудесные явления
(Пугают всех: гремит всечасно гром,
Разят ужасно молнии; бушуют
И вихрь, и град крушительный, и ливни,
По всей стране колеблется земля
От Сен-Мишельской и до Кельна,
От Безансона вплоть до Гюитзана,
Во прах жилища падают, — и мрак
Средь полдня свод небесный покрывает...
И все кричат: «Вот судный день настал!»
Но все они не ведают, не знают,
Что это скорбь природы по Роланде!

- 113 Разят сплеча французские полки.
Побиты сотни, тысячи неверных, —
Из всех ста тысяч двое уцелели.
«Дерутся храбро ныне франки наши! —
Сказал Турпин. — В деяньях славных франков
Написано, что храбрый наш король
Имеет много доблестных вассалов».
По полю битвы франкские бароны
Идут искать товарищей своих;
По родичам своим они рыдают...
Идет на них с дружиною несметной
Неверных царь — Марсилий сарагосский!

- 114 Долиной мчится грозный царь Марсилий
И с ним его бесчисленная рать:

Десятка два всего полков могучих.
Горят щиты и пышные узоры
Блестящих лат. Семь тысяч труб гремит,
Среди ущелий стон стоит великий.
«Брат Оливьер, нас предал Ганелон, —
Сказал Роланд, — но Карл его накажет!..
Теперь должны мы выдержать жестокий,
Упорный бой, — такого не бывало
До сей поры! Рази мечом своим,
А я работать буду Дюрандалем!
Не раз с тобой носили мы мечи,
Не раз с тобой победу добывали, —
О нас позорной песни не споют!»

- 115 Увидев рать несметную неверных,
Покрывших сплошь и горы, и долины,
К себе на помощь франки, призывают
Роланда, пэров, графа Оливьера.
Архиепископ слово им сказал:
«Друзья мои, вы мавров не страшитесь,
Я богом вас, сеньоры, заклинаю
Не отступать, не дрогнуть, чтоб певцы
О нас позорной песни не сложили!
Здесь лучше нам погибнуть всем со славой:
Надежды нет, — мы ляжем здесь костями!
Зато, друзья-товарищи, пред вами
В цветущий рай теперь раскрыта дверь!
Вы завтра все воссядете средь хора
Святых страдальцев!» — так он молвил франкам,
И снова все отвагою пылают,
И вновь гремит победный клич «Монжой!»
- 116 Среди испанских мавров был язычник
Вождь Климорин; ему принадлежало

Пол-Сарагоссы; был душой коварен
Сей дерзкий мавр; он клятву Ганелона
Приял, и меч ему он подарил,
А вместе с ним карбункул драгоценный;
Он целовал предателя в уста.
«Всю Францию позором я покрою,
У Карла я сорву венец златой!» —
Так молвил он; на резвом Барбамуше,
На скакуне, что ласточки быстрей,
Помчался он на смелого гасконца,
На Энжелье, — ни крепкий щит, ни панцырь
Не вынесли жестокого удара:
Насквозь пронзил гасконца сарацин,
Поверг с коня и так воскликнул грозно:
«Смелей, друзья! Не трудно этих франков
С коней сбивать, прорвемте их ряды!»
С печалью в сердце молвили французы:
«Увы! погиб отважный наш боец!»

- 117 «Брат Оливьер, лишились мы с тобою
Отважного гасконца Энжелье.
Из всех баронов был он самый храбрый!» —
Так граф Роланд товарищу сказал.
«О, если б бог мне дал отмстить неверным!» —
Сказал в ответ прекрасный Оливьер.
Помчался он, подняв свой меч булатный,
Свой Альтеклер, покрытый алой кровью,
Сплеча ударил мавра Климорина
(Тот мертвым пал, взял душу сатана),
И герцога Афайского убил он,
И Эскабабу голову срубил.
Семьсот арабов он свалил на землю!
Никто из них не вступит снова в бой!

«Мой друг сердит! — сказал Роланд могучий. —
Его удар оценит император,
Немалую мы здесь добудем славу —
Вперед, друзья, разите их сплеча!»

- 118 Вождь Вальдабрин средь мавров был известен,
Им посвящен был в рыцари Марсилиий,
Ему подвластны все морские силы:
Всего четыре сотни кораблей.
Да, это был тот самый мавр поганый,
Что некогда изменою коварной
Взял божий град, святой Ерусалим:
Злодей тогда зарезал патриарха
Пред алтарем и храма Соломона
Попрал святыню; он же в Сарагоссе
Приял присягу графа Ганелона
И добрый меч, и много золотых
В подарок дал. На резвом Граммимонде,
Который мчится сокола быстреей,
Помчался прямо к герцогу Самсону;
Он щит пробил, чешуйчатую броню,
С копьем значок он франку в грудь вогнал,
Поверг врага сраженного на землю
И так сказал: «Здесь смерть постигнет франков,
Вперед, друзья, вперед — победа наша!»
И молвят франки: «Горе, пал наш витязь!»

- 119 В большой печали храбрый граф Роланд,
Когда Самсона мертвым он увидел.
Коня погнал он прямо к Вальдабрину:
Роланд в руке свой держит драгоценный
Меч Дюрандаль — и мавра поразил:
Он шлем рассек, где золото блестело,

И панцирь весь, и тело, и седло,
Покрытое камнями и золотом,
И скакуна рассек. Не знаю, право,
Похвально то иль нет, — Роланд обоих,
И скакуна, и всадника, свалил.
«Жесток для нас удар!» — сказали мавры.
«Презренные, не будет вам пощады! —
Воскликнул граф. — На вашей стороне
Тщеславие и гордость, а не право!»

- 120 Там был еще язычник африканский,
Малкуда сын — царевич Мальквидан:
На нем доспех из золота литого
Горит огнем среди дружин испанских.
На скакуне (быстрее нет на свете)
На Ансеиса мчится сарацин —
Ударил в щит, — в осколки разлетелись
Пурпурные и синие поля;
Царь Мальквидан пробил и щит, и броню,
И все копьё он в тело погрузил.
Пал Ансеис — и молвили французы:
«Убит, о горе, доблестный боец!»

- 121 Архиепископ мчится по долине, —
Из пастырей никто еще Турпину
Не мог быть равным верной службой богу
И доблестью на поле боевом.
«Будь проклят, мавр! — он молвил Мальквидану. —
Убил ты ныне друга моего!»
И, налетев, ударил сарацина
В толедский щит, — от страшного удара
На мураву свалился Мальквидан.

- 122 В другом конце гарцует мавр Грандоний,
Капья сына, царевич каппадосский,
На скакуне Мармории ретивом
Быстрее птицы мчится сарацин.
И, налетев, Жерена он ударил:
Одним ударом щит пробил и броню,
До темных лент значка вогнал копьё
Жерену в грудь; упал француз на камни,
И были там Грандонием убиты
Еще Жерье, Гюйон и Беранжье,
Сражен Австорий, герцог именитый,
Валенции на Роне властелин.
Ликуют, смерть его увидя, мавры,
И молвят франки: «Много наших пало!»
- 123 Роланда меч покрыт багряной кровью...
Услышал граф французов стон печальный.
В его груди от горя сердце сжалось,
И молвил он: «Будь проклят, сарацин!
Заплатишь ты за смерть вождя Жерена!»
Грозой летит Роланд на сарацина,
И вот сошлись Грандоний и Роланд.
- 124 Могуч, бесстрашен, мудр был мавр Грандоний,
Он никогда с Роландом не встречался,
Но по красе, по стройности, по взгляду
Его признал он: страх объемлет мавра.
Бежать... куда? Его Роланд ударил
И до забрала шлем его рассек,
Всю голову рассек, и нос, и зубы,
И золотом расшитый крепкий панцырь,
Из серебра луку рассек, — глубоко
Вошел в коня булатный Дюрандаль.

Упал с коня Грандоний, — застонали
Дружины все испанских сарацин.
«Недурно бьет наш доблестный защитник!» —
Воскликнули французские полки.

125 Все жарче бой, и все сильней удары,
Неистово французы наши бьются:
Разят по спинам, бедрам и рукам,
Рассечены врагов одежды, брони, —
Покрыта яркой кровью мурава.
«Ужасен бой, не выдержим мы дольше! —
Воскликнули дружины сарацин. —
На Францию пошли печаль и горе —
О, Магомет! — храбрей ее сынов
Нет витязей нигде во всей вселенной!..
На помощь к нам, Марсиль-царь, на помощь!»

126 И бой кипит, великий бой, кровавый...
И копьями из стали вороненой
Разят сплеча французские бароны.
Повсюду стон, ужасные мученья:
Тот навзничь пал, а тот лежит ничком...
И наших войск не выдержав напора,
Бегут в смятении диком сарацины:
Погнали их роландовы полки.

127 И видит гибель мавров царь Марсиль —
Велел трубить; со всей своей дружиной
Идет на бой; пред строем, на коне
Абизм, поганый мавр, гарцует; много
Он совершил ужасных злодеяний:
Абизм не верил в сына приснодевы,
Чернее сажи цвет его лица,

Он ценит выше козни и коварство,
Чем золото Галиции богатой.
Никто его улыбки не видал!
Его за храбрость любит царь Марсилий:
Дракон царя, неверных мавров знамя,
Несет Абизм. И злобой воспылал
К нему Турпин, убить он жаждет мавра
И сам с собою начал рассуждать:
«Я никогда терпеть не мог кичливых;
Сдается мне, — вот истый еретик...
Скорее здесь согласен я погибнуть,
Чем пощадить такого негодяя!»

- 128 И начал бой Турпин архиепископ;
Под ним скаун, отбитый у Гроссалья,
Царя датчан: прекрасен борзый конь —
Тонки бока, стройны и сухи ноги,
И круп широк, высок хребет, хвост белый,
Покрыта шея гривой золотистой
И голова гнедая, уши малы, —
На свете нет пригодней скакуна.
И вскачь погнал его Турпин к Абизму, —
Тот щит держал, на коем ярко блещут
Карбункулы, топазы и хрусталь,
И золото (сей щит эмир Галафрий
От сатаны когда-то получил
Близ Валь-Метаса). Этот щит чудесный
Не пожалел Турпин, копьем ударил, —
Динария не стоит щит, — насквозь
Прошло копьё чрез тело сарацина, —
Он мертвым пал. И молвили французы:
«Могуч Турпин! Каков архиепископ!
Сумеет он свой посох защитить!»

129 И другу так сказал Роланд: «Товарищ,
Не правда ли, Турпин боец могучий, —
Никто не может равным быть ему:
Как славно он разит копьём булатным!»
«Ты прав, Роланд, — летим к нему на помощь!»
И вот опять на бой помчались франки,
Посыпались жестокие удары.
Но много пало славных христиан!..
Как яростно работали мечами
Среди врагов Роланд и Оливьер,
Копьём разил Турпин архиепископ!
Всего четыре тысячи неверных,
Убитых ими в сече, насчитали;
Так книги нам и песни говорят!
Четыре первых приступа отбили
Успешно франки; пятый был ужасен:
Погибли все французские бароны,
В живых осталось только шестьдесят.
Не дешево за них заплатят мавры!

130 Роланд увидел тяжкие потери
Своих дружин. «Товарищ Оливьер,
Бесценный друг, смотри, какое горе
Постигло нас, — о, сколько благородных
Здесь полегло могучих удальцов!
Достойна слез судьба отчизны милой:
Каких баронов Франция лишилась!
Могучий друг, великий, славный Карл,
Зачем тебя здесь с нами нет!.. Товарищ,
Брат Оливьер, что делать, как на помощь
Позвать владыку франков?» — «Друг Роланд,
Не знаю, как позвать на помощь Карла, —
Позору смерть я должен предпочесть!»

- 131 Сказал Роланд: «В свой рог трубить я буду:
Услышит Карл, проходит он ущелья,
Ручаюсь вам, вернется войско франков».
«Навеки вы покроете позором
Себя и род свой! — молвил Оливьер. —
Теперь вас срам постигнет, если Карла,
Гремя в свой рог, к себе начнете звать!
Уж ваши руки кровью обагрились!»
«То кровь врагов!» — ответил граф Роланд.
- 132 Сказал Роланд: «Ужасен бой кровавый, —
Я затрублю, — услышит император».
«То храброго вассала недостойно! —
Так отвечал Роланду Оливьер. —
Я вас просил, — вы слушать не хотели, —
Здесь был бы Карл, он спас бы нас от смерти,
Нельзя пенять на Карла и на франков!..
Я бородой клянусь вам, если бог
Мне даст опять сестру увидеть Альду, —
На вашу грудь она не упадет!»
- 133 «Чем рассердил я вас, товарищ милый?» —
Спросил Роланд, а тот ему в ответ:
«Лишь вы, Роланд, несчастья виновник!
Достойней тот, кто Мудр, чем тот, кто бешен!
Безумство ваше всех нас погубило, —
Не будем больше Карлу мы служить!
Роланд, меня вы слушать не хотели, —
Пришел бы Карл, и был бы царь Марсилиий
Иль взят, иль мертв, — увы, нам всем на горе
Пылали вы безумною отвагой, —
Теперь мы Карлу больше не нужны!
Да, вы, Роланд, с которым ни единый

Боец еще не мог в бою сравниться,
Умрете здесь. И Францию позор
Постигнет вечный. Ныне дружбе нашей
Пришел конец. И раньше, чем наступит
Вечерний час, — расстаться мы должны».

- 134 Услышал спор Турпин архиепископ,
Вонзил в коня он шпоры золотые,
Примчался к ним обоих успокоить.
«Граф Оливьер и вы, мой друг Роланд,
Я богом вас, сеньоры, заклинаю
Оставить споры, в рог трубить уж поздно:
Далеко Карл, поспеть не может он;
Но все ж трубите, — славный император
Придет сюда неверным отомстить.
Пусть ни один из мавров сарагосских
К себе домой, ликуя, не вернется:
Приедут франки, — с борзых скакунов
Сойдут они, кровавые останки
Они на поле битвы соберут,
Положат нас на спины выючных мулов
И с плачем горьким плитами покроют
Останки наши в склепах монастырских,
Чтоб волки нас и псы не растерзали».
«Ты прав, сеньор!» — ответил граф Роланд.

- 135 К устам своим Роланд свой рог приставил,
Напряг все силы, зычно он трубит:
На тридцать лье через горные вершины
Заветный рог раскатами гремел.
Услышал Карл, услышали французы, —
Сказал король: «Дерутся люди наши!»
Ему в ответ изменник Ганелон:

«Когда б другой сказал такое слово,
Его почел бы всякий за лжеца!»

- 136 С усилием отчаянным и болью
Трубит Роланд — багряной, свежей кровью
Его уста покрыты. На челе
Все крепкие перервалися жилы...
Гремит протяжно зычный Олифант, —
Услышал Карл среди ущелий мрачных,
И вождь Нэмон, и все дружины франков, —
Сказал король: «Роланда рог гремит,
Не станет даром звать меня племянник.
Там бой кипит!» — «Нет битвы никакой! —
Граф Ганелон тогда ответил Карлу. —
Стыдись, король, уж ты и стар, и сед,
А между тем ребенок малолетний,
Что ты сказал, не стал бы говорить!
Не знаешь разве дерзости Роланда?
И как его господь не покарает!
Припомни: он без всякого приказа
Взял город Нобли; жители навстречу
Ему пошли, вступили в бой жестокий —
И всех Роланд могучий изрубил.
Затем Роланд велел обмыть водою
Кровавый луг, чтоб смыть следы сраженья...
Да что! Весь день, гонясь за быстрым зайцем,
Роланд трубит; теперь, наверно, он
Смеется, шутит с пэрами своими...
Никто на бой с Роландом не решится.
Вперед! Здесь время даром мы теряем:
Не близок путь до Франции-красы!»

- 137 Кровавой пеной рот покрыт Роланда,
И жилы все раскрыты на висках,

С большим трудом, с невыносимой болью
Трубят Роланд, — услышали французы,
Услышал Карл: «Протяжно рог гремит!» —
Воскликнул он. — «Да, рыцарь благородный
В большой беде, дерутся люди наши! —
Сказал Нэмон. — Недаром держит нас
Граф Ганелон, — ведь он Роланда предал!
Пусть загремит победный Карла клич:
Зовите франков, броню надевайте,
Скорей, скорей летите, Карл могучий,
На помощь пэрам вашим; ясно всем,
Что граф Роланд в отчаяньи зовет нас!»

- 138 Могучий Карл велел трубить, — и франки
Сошли с коней, доспехи надевают:
Надели брони, шлемы и щиты,
А у бедра, украшенные золотом,
Привесили булатные мечи.
Их копыя крепки: в красный цвет, и в темный,
И в белый цвет окрашены значки.
На боевых коней вскочили франки,
Во весь опор несутся по ущельям.
«О если б нам застать в живых Роланда, —
Так молвил каждый, — страшные удары
Мы б вместе с ним неверным нанесли!»
Напрасно все: они примчатся поздно!

- 139 Пылал закат, светило ярко солнце, —
Горели шлемы, брони и щиты,
Узорами покрытые. Сверкают
Стальные копыя, цветом золотистым
Горят на солнце пестрые значки.
Исполнен гнева, мчится император,

За ним в печали мчится франков строй, —
Рыдают все, трепещут за Роланда...
Бесгона Карл велел позвать, не медля.
(Он старшим был из царских поваров.)
«Возьми под стражу графа Ганелона:
Изменник он, моих людей он предал!
Тебе пока его я поручаю
До дня суда!» — так молвил император.
Бесгон позвал товарищей своих:
Они схватили графа Ганелона
И выщипали бороду, усы...
Избили страшно палками, кнутами.
И на цепь был посажен Ганелон,
Как дикий зверь, цепями весь окручен!
Его на клячу жалкую свалили
И так везли до дня суда над ним.

140 Высок и грозен ряд вершин угрюмых,
На дне долин ручьи струятся быстро.
Гремят французов трубы боевые,
В ответ гремят на зычный Олифант.
Во весь опор несется Карл Великий,
За ним французов сумрачных ряды,
Молитву шепчут грозные бароны,
По лицам их текут ручьями слезы,
Все просят бога, чтоб они с Роландом
Могли разить неверных сарацин.
Напрасно все, — они примчатся поздно!

141 Во весь опор несется Карл Великий.
Поверх брони висит брада седая,
Вокруг него французские дружины
Несутся вскачь, исполнены тоски:

Досадно им, что там, в ущельях мрачных,
Роланд без них с неверными дерется.
Да, если он в жестокой битве ранен,
То все его дружинники погибли!
Увы, всего осталось шестьдесят,
Зато никто, будь он король могучий
Иль славный вождь, в часы жестокой битвы
Таких бойцов отважных не видал!

- 142 Роланд взглянул на горы и долины, —
Повсюду смерть, везде лежат французы...
И зарыдал могучий граф Роланд:
«О, боже! Ты благий и милосердный,
Открой пред ними в рай цветущий дверь
Друзья мои, могучие вассалы!
Как долго мне служили честно вы!
О, сколько стран мы вместе покорили,
Вскормил вас Карл, увы, себе на горе!..
О, Франция, отчизна дорогая,
Каких баронов здесь лишилась ты!
Товарищи! В несчастье виновный,
Не мог я вас от смерти защитить!..
Пусть вас хранит великий, справедливый
Единый бог... Мой милый друг, товарищ,
Граф Оливьер, с тобой мы неразлучны...
Знай, если я от битвы уцелею, —
Меня погубит горькая тоска...
За мною, друг, ударим на неверных!»

- 143 Вернулся граф Роланд на поле битвы,
Он бьет сплеча, как доблестный барон:
Рассек Фальдрона; многих знатных мавров
Он там убил. Ужасна месть Роланда:

Как лань бежит пред сворою собак, —
Так сарацин пред ним толпы бежали.
«Недурно, граф, дерешься ты! — воскликнул
Архиепископ. — Всякий, кто зовется
Бароном, кто, надев доспех блестящий,
На скакуне гарцует ретивом,
Обязан так сражаться: кто ж не может —
Тот никуда не годен; пусть в монахи
Поступит он и молится за нас!»
«Вперед, друзья, рубите без пощады!» —
Сказал Роланд. На бой помчались франки,
Но много их в той битве полегло.

- 144 Как всякий, кто не ждал себе пощады,
Дрались франки храбро, точно львы...
Несется к ним Марсилиий сарагосский,
На скакуне Геньоне благородном
Гарцует он, как истинный барон,
И, налетев, дижонского владыку,
Бэвона, царь ударил прямо в щит.
Он щит пробил и панцырь: пал сраженным
Бэвон с коня. А царь испанских мавров
Еще убил Ивория, Ивона
И вместе с ними старого Жерарда...
«Будь проклят, мавр! — воскликнул граф Роланд,
Поблизости стоявший. — Расплатиться
За смерть друзей моих теперь ты должен:
Узнаешь ты, как меч мой величать!» —
Так молвил он и, налетев на мавров,
Он кисть руки Марсилию отсек,
Затем цареву сыну Юрфалею
Он голову отсек мечом булатным...
«На помощь к нам, на помощь, Магомет! —

Кричат толпы язычников испанских. —
О, боги наши! Карлу отомстите!
Каких злодеев здесь оставил он!
Они скорей готовы все погибнуть,
Чем поле битвы маврам уступить!»
«Бежим от них!» — сказали сарацины.
И тыл сто тысяч мавров обратили, —
Они бегут, никто их не вернет!

- 145 В том пользы нет, что в бегство обратился
Марсиль-царь: его остался дядя —
Гармалии, Альферны, Карфагена
И всей страны проклятой эфиопов
Державный царь; при нем его полки.
То род людей, что черны, словно деготь,
Их нос огромен, уши безобразны.
Всего числом их тысяч пятьдесят.
На бой они во весь опор помчались,
Призывный клич их зычно прогремел,
И молвил граф Роланд своей дружине:
«Недолго нам, друзья, осталось жить!
Будь проклят тот, кто дешево поганым
Продаст себя! Сплеча рубите мавров:
За нашу Жизнь мы плату с них возьмем!
Избави бог, чтоб Францию родную
Постиг позор! Сюда вернется Карл:
Увидит он великой битвы поле,
Увидит груды павших сарацин,
На каждого из нас пятнадцать мавров
Увидит Карл — и нас благословит!»

- 146 Когда Роланд увидел род проклятый
Людей, у коих белы только зубы,

А все лицо чернее сажи черной,
Своим друзьям он молвил: «Неизбежно
Погибнем мы!.. Но все ж врагов рубите,
Я снова в бой вступлю, не медля, с ними!»
«Да сгинут трусы!» — молвил Оливьер,
И на врагов ударили французы.

147 Когда полки испанских сарацин
Так мало наших франков увидали,
Воскликнули они в веселье диком:
«За нас господь!» На буром скакуне
Летит халиф — и графа Оливьера
Копьем булатным в спину поразил.
Вошли куски брони кольчатой в рану,
Через спину, грудь копье насквозь прошло.
«Жесток удар! — воскликнул мавр испанский. —
В недобрый час на страже вас оставил
Могучий Карл: нам вред он причинил,
Затем теперь похвастаться не может, —
Сразив тебя, я отомстил за все!»

148 Почуял граф, что он смертельно ранен,
Мечом своим из стали вороненой
По шлему он халифа поразил:
И наземь пали камни дорогие...
Жесток удар! — и до рта все лицо
Булатный меч рассек — халиф свалился.
«Будь проклят, мавр! — воскликнул Оливьер. —
Нельзя сказать, что Карлу-властелину
Моя кончина будет нипочем!
Зато и ты жене своей и дамам
В родном краю не будешь похваляться.
Хотя бы Карла нашего потеря

Один динарий стоила, — и то
Не ты, презренный, будешь хвастать этим!
Ко мне, Роланд, ко мне, товарищ милый!»

149 Почуял граф, что он смертельно ранен:
Пылая жаждой мести, в строй неверных
Врубился он и страшные удары
Наносит им по копьям и щитам,
По бедрам бьет их, руки отсекает...
Да, тот, кто мог увидеть Оливьера,
Как он рубил неверных сарацин,
Как их бросал он в кучу друг на друга,
Тот знал, как должен драться славный вождь!
И Карла клич, призывный и победный
«Монжой!» — воскликнул зычно Оливьер.
Затем позвал товарища — Роланда:
«Ко мне, Роланд, уж близок час кончины!
Сегодня здесь расстанусь я с тобой».

150 Взглянул Роланд на друга Оливьера:
Он бледен, пятна синие покрыли
Его чело, ручьем струится кровь...
Сказал Роланд: «О, боже; что мне делать!
Брат Оливьер, увы, себе на горе
Явили вы и доблесть и отвагу!
Товарищ мой, вы были всех храбрей.
О, Франция, отчизна дорогая,
Ужели здесь тебя постигнет срам?
Ужели стольких рыцарей могучих
И ты, и Карл лишитесь?» — так промолвил
И пал без чувств на шею скакуна.

151 И вот пред вами зрелище какое:
Лишился чувств от горя граф Роланд,

А Оливьер в бою смертельно ранен!
Он ослабел, он кровью истекает,
И помутились очи у него.
Он никого не узнает: Роланда
Ударил он по шлему золотому
И до забрала шлем его рассек,
Но не задел лица его по счастью.
И кротко граф Роланд к нему промолвил:
«Намеренно ль меня вы поразили?
Ведь я Роланд, ваш друг, товарищ верный,
Меня на бой вы разве вызывали?»
«Не вижу я тебя, мой друг Роланд, —
Так Оливьер товарищу ответил, —
Но милый голос твой я узнаю!
Прости меня!» — «Да я совсем не ранен, —
Сказал Роланд. — Пусть вас простит господь!»
Тогда они склонились друг ко другу,
Расстались в нежной дружбе и любви.

152 Объял смертельный холод Оливьера, —
Не слышит он, не видит ничего:
Уж помутились очи, — все кружится...
Он лег на луг, — с горячею молитвой
Скрестил он руки белые свои:
Во всех грехах он просит отпущенья.
Смиренно просит господа Христа,
Чтоб рая дверь раскрыл пред ним всевышний.
За родину, за Францию, за Карла
И за Роланда — друга дорогого —
Его уста молитву к богу шепчут:
Он ослабел, во весь свой рост простерся,
Не бьется сердце, — смерть его постигла...

Охваченный печалью безграничной,
Над ним рыдает друг его Роланд.

153 Взглянул Роланд: убит его товарищ —
Лежит ничком. И тихо причитать
Стал граф Роланд над трупом бездыханным:
«Товарищ мой! Ты погубил себя
Отвагою и доблестью своею...
Так много лет мы жили в дружбе нежной;
Теперь ты мертв — и жизнь мне не мила!»
Лишился чувств Роланд — боец могучий,
Но не упал: золотые стремяна
Ему свалиться не дали на землю.

154 Пришел в себя Роланд от забытья,
Увидел он весь ужас поражения:
Погибли все французские бароны.
Всего в живых осталось только двое:
Турпин и витязь доблестный Готье.
Сошел с горы Готье; в жестокой битве
Лишился он товарищей своих
И громко он зовет к себе Роланда:
«Ко мне, Роланд, о, где ты, храбрый витязь?
С тобою, граф, ни робости, ни страху
Не ведал я! Ужели ты не слышишь?
То я, Готье, убивший Маэлгуда,
Твой друг Готье, племянник я Дроона,
Вождя Дроона, старого, седого!
Достоин я, по доблести моей,
Тебе, Роланд, быть другом; весь изранен,
К тебе пришел я: сломано копье,
Броня разбита, щит мой весь изрублен,

Все тело копья острые пронзили...
Ко мне, Роланд, ко мне, я умираю,
Но дорого я продал жизнь свою!»
Услышал граф, спешит к нему на помощь.

155 Исполненный и гнева и печали,
В толпу врагов врубился граф Роланд;
Неверных двадцать он убил на месте,
Готье де Л'Ом зарезал шестерых,
И пятерых убил архиепископ.
И в ужасе кричат толпы испанцев:
«Проклятые злодеи перед нами!
Друзья, смелей, не дайте им спастись!
Позор тому, кто с ними в бой не вступит
И кто им даст уйти из наших рук!»
И вновь гремят проклятия и крики, —
Со всех сторон испанцы наступают.

156 Бойцом могучим был племянник Карла,
Готье де Л'Ом — отважный, славный витязь,
Турпин — в бою испытанный храбрец.
Никто из них товарища не бросит,
В толпу врагов они врубались вместе...
Там было мавров конных сорок тысяч
И десять сотен пеших. Достоверно
Известно мне: никто из них на франков
Не смел идти, лишь тучу пик и копий,
И дротиков, и стрел они метали.
На землю первым пал Готье де Л'Ом
Турпина щит пробит, и шлем изломан,
И в голову опасно ранен он.
Его кольчатый панцырь весь изорван,
И в грудь четыре дротика вонзились,

Его скакун под ним убит. О горе,
Упал на землю доблестный Турпин!

157 Когда Турпин почувял, что на землю
Повергнут он, что дротика четыре
В него вонзились, — вновь вассал отважный
Вскочил проворно, бросился к Роланду
И так сказал: «Нет, я не побежден.
Пока хоть искра жизни в нем таится,
Не должен сдаться доблестный вассал!»
И вынул он Альмас, свой меч булатный.
В толпе врагов до тысячи ударов
Нанес Турпин. Сам Карл потом сказал,
Что не щадил врагов архиепископ:
Четыреста неверных сарацин
Нашел король близ храброго Турпина,
Исеченных, исколотых; и многим
Архиепископ голову срубил.
Рассказы так правдивые вещают,
И было так на поле боевом.
Барон Эгидий, коему так много
Явил чудес господь, рассказ об этом
В монастыре Лаонском написал.
А кто сего не знает, — тот невежда!

158 Как доблестно дерется граф Роланд!
В огне все тело, пот течет ручьями,
И в голове боль страшная: так сильно
Он в рог трубил, что жилы на висках
Раскрыты все! Но все ж узнать он хочет:
Придет ли Карл — и вновь Роланд трубит.
Увы! Чуть слышно рог звучит заветный!
Но все ж его услышал император,

Коня сдержал он. «Сеньоры, — молвил Карл, —
Неладно там! Роланда мы лишимся!
По звуку рога чувствую, что скоро
Умрет Роланд, — и если кто желает
Поспеть к нему, пусть шпорит скакуна!
Во все рога и трубы загремите».
И загремело тысяч шестьдесят
Французских труб: казалось всем, что с ними
Трубят холмы, а мрачные долины
Гремят в ответ. И мавры услышали,
Безделицей им то не показалось:
«Король! — кричат они. — Король вернулся!»

159 Кричат они: «Вернулся император!
Рогов французских слышен звон вдали,
Нагрянет Карл, и плохо нам придется!
Но если мы Роланда не убьем,
То снова вся война начнется эта, —
Лишимся мы Испании-красы!»
И вот сошлись четыреста отборных,
Отважнейших бойцов, все в крепких шлемах...
И в страшный бой с Роландом сарацины
Вступили вновь, — нелегкая работа
Еще мечу Роланда предстоит!

160 Когда Роланд увидел их, то гордым
И грозным стал: он силы вновь почувал, —
Пока он жив, не сдастся он врагам.
Коню в бока вонзил золотые шпоры,
Врубился он в толпу испанских мавров,
И с ним Турпин. «Друзья, скорей бежимте! —
Кричат испанцы. — Слышали вы звон
Рогов французских, мощный Карл вернулся!»

Не мог терпеть Роланд презренных трусов
И не любил он также гордецов,
И злых, и всех, не верных ленной чести.
«Сеньор! — сказал Турпину он. — Вы пеши,
Я на коне, но ради вас мне должно
Здесь обождать, — и радости, и горе
Должны делить мы, — я не брошу вас,
И с вами вместе тотчас же неверным
Мы отомстим за страшный приступ их:
Славнее нет ударов Дюрандаля!»
Сказал Турпин: «Позор тому, кто в битве
Врагов рубить не может! Карл придет
И отомстит язычникам испанским».

- 162 «Увы, увы! — на горе и страданья
Родились мы! — сказали сарацины. —
Ужасный день: мы пэров и сеньоров
Лишились здесь, — и славный Карл вернулся!
При нем его великая дружина.
Трубят рога французов: все покрыл
Гремящий крик «Монжой!» Отвагой в битве
Никто Роланду равным быть не может,
Не победит его никто из смертных, —
Метнем в него и дротики, и копья —
На месте он останется наверно!»
И вот — летят и дротики, и копья,
И тучи стрел. Разбит весь щит Роланда,
Разорвана железная кольчуга, —
Граф невредим, но тридцать стрел и копий
Его коня ретивого пронзили,
Конь наземь пал; бегут толпы неверных,
И граф Роланд один на поле битвы,
Он пешим стал, — погиб его скакун.

163 К Испании стремятся сарацины,
Исполнены и гнева, и тоски.
Не может граф Роланд за ними гнаться:
Погиб его ретивый Вейлантиф.
И вот Роланд спешит помочь Турпину:
Он снял с него блестящий легкий панцырь
И золотом покрытый крепкий шлем,
Мечом разрезал платье на Турпине
И раны все ему перевязал.
Затем, прижав к груди, на луг зеленый
Он бережно Турпина положил
И с нежностью сказал ему: «Прекрасный
И знатный вождь! Прошу я разрешенья
Пойти искать друзей погибших трупы;
Снесу я всех сюда на луг зеленый,
У ваших ног их рядом положу!»
В ответ Турпин: «Ступайте, путь свободен.
Хвала творцу! За нами поле битвы!»

164 Идет один по полю граф Роланд,
Он обыскал и горы, и долины,
Нашел друзей — Ивория, Ивона,
Товарищей — Жерена и Жерье,
И Энжелье-гасконца, и Одона,
Из Руссильона старого Жерарда,
И герцога Самсона, Ансеиса,
И Беранжье. Их всех поочередно
Роланд у ног Турпина положил.
Не мог сдержать Турпин архиепископ
Потоки слез: друзей благословил
И молвил так. «На горе и страданья
Родились вы! О, боже всемогущий,
Прими их души в рай цветущий свой!»

И мне, увы, недолго ждать кончины,
Уж никогда мне Карла не видать!»

165 Роланд идет один по полю битвы,
Он Оливьера-друга там нашел,
Прижал к груди, принес его к Турпину
И бережно его на щит блестящий
Близ прочих пэров славных положил.
Их всех Турпин тогда благословляет;
И злая скорбь проникла в грудь Роланда,
Воскликнул он: «Прекрасный Оливьер,
Товарищ мой, ривьерского маркиграфа
Реньера сын! Чтоб копыя и щиты
Ломать в бою, чтоб дать совет полезный,
Чтоб гордецов смирать, — нигде на свете
Нет витязя достойнее тебя!»

166 Взглянул Роланд на трупы славных пэров,
На Оливьера, друга дорогого,
От жалости он горько зарыдал,
И бледностью чело его покрылась, —
Лишившись чувств, Роланд упал на землю.
«Могучий вождь, на горе и страданья
Родился ты!» — сказал архиепископ.

167 В большой печали был Турпин из Реймса,
Когда Роланда замертво упавшим
Он увидал. Он руку простирает,
Берет вблизи лежавший Олифант;
Ручей течет в долине Ронсевалья,
Набрать воды к нему Турпин спешит,
Чтоб оживить Роланда; с тяжкой болью
Идет Турпин, шатаясь... крови алой

Так много он в сраженье потерял!
Прошел Турпин пространство небольшое,
Упал на грудь от слабости и боли, —
Он на лугу лежит в предсмертных муках.

168 От забытья пришел в себя Роланд,
С большим трудом он на ноги поднялся,
Окинул взором горы и долины
И видит там, поодаль от других, —
На мураве лежит архиепископ,
Турпин из Реймса, рыцарь благородный,
Служитель бога; просит он прощенья
В своих грехах и поднял очи к небу,
И руки в знак смирения скрестил...
Погиб Турпин за Карла-властелина,
Мечом своим и проповедью славной
Служил всю жизнь он против сарацин.
Пошли, господь, его душе спасенье!

169 Увидел граф Роланд Турпина мертвым;
Из тела вышли внутренности, мозг
Покрыл чело; крестом сложил он руки
Прекрасные и белые свои.
И, как велит родной страны обычай,
Роланд над мертвым начал причитать:
«Увы, погиб ты, рыцарь благородный,
Тебя пусть царь небесный примет в рай
Никто ему так доблестно и верно,
Как ты, барон, доныне не служил!
Со времени апостолов великих
Нигде, Турпин, пророка не видали,
Кто так, как ты, умел хранить закон
И обращать людей на путь спасенья.

Пуст бог пошлет душе твоей блаженство,
И рая дверь раскроется пред ней!»

170 И чувствует Роланд, что час кончины
Уж недалек: сочится из ушей
И кровь, и мозг. Всевышнего владыку
За пэров славных молит граф Роланд.
А за себя к святому Гавриилу
С молитвой он смиренной обратился.
И взял Роланд свой рог и меч заветный
(Чтоб упрекнуть его никто не мог).
Идет Роланд, — насколько пролетает
Из самострела брошенный свинец, —
Пришел Роланд к земле испанских мавров,
Взошел на холм; два дерева прекрасных
Стояло там, близ них четыре глыбы
Из мрамора блестящего стояли.
Упал ничком Роланд на мураву,
Лежит Роланд, — уж близок час кончины.

171 Высоки горы, выше их деревья.
Четыре глыбы мрамора блестят.
На мураве лежит племянник Карла...
За ним давно следит испанский мавр,
Лежит средь трупов, мертвым притворился,
Замазав кровью тело и лицо.
Отважен, знатен был испанский витязь,
Он вдруг вскочил и, бросившись к Роланду,
Гордясь победой, в сильном гневе молвил:
«Ты побежден, племянник Карла, меч твой
Я отнесу в Аравию родную!»
Он отнял меч, — и смутно граф Роланд
Почувствовал, что меч его схватили.

И не разбит клинок, не зазубрился.
Увидел граф, что все усилья тщетны,
Что не разбить булатного меча, —
Стал причитать, рыдая, граф могучий:
«Увы, мой меч, как ты красив и светел,
Как блещешь ты при солнечных лучах!
Был славный Карл в долине Мариэнской,
Когда ему предстал господень ангел
И повелел храбрейшему вождю
Тебя отдать. Тогда король могучий
Тебя мне дал, — за то ему я добыл
Свободную Нормандию, Бретань,
Анжу и Мэнь, Прованс и аквитанцев
Всю землю, добыл Фландрию и Польшу,
Румынию, Ломбардию и с ними
Баварию, — и сам Константинополь
Признал владыкой Карла; покорилась
И саксов вся обширная земля,
Шотландию, Ирландию я добыл,
Валлиса землю, англов всю страну,
Что ныне Карла собственность, и много
Обширных стран, — владеет ими мощный
Король наш Карл, седобородый вождь.
Да жалко мне с мечом моим расстаться:
Пусть лучше здесь меня постигнет гибель,
Чем Дюрандаль достанется врагам!
О, боже, нашу Францию родную
От этого позора защити!»

- 175 Роланд ударил меч о твердый камень,
Летят куски гранита на траву,
И сталь звенит, но меч не зазубрился
И не разбит, — от камня отскочил он.

И видит граф Роланд, что не под силу
Ему разбить булатный меч, и тихо
Оплакивать он стал свой Дюрандаль:
«Как ты красив, как свят, мой меч булатный,
В твоей золотой тяжелой рукояти
Хранятся мощи: зуб Петра из Рима,
Василия святого кровь и там же
Владыки Сен-Дениса волоса,
В тебе кусок от ризы приснодевы:
Не должен ты язычникам достаться.
Христов слуга тобой владеть лишь должен!
Тобою столько стран я покорил.
Владея ими, славен император,
Могучий Карл, седобородый вождь!
О, если б ты, мой добрый меч булатный,
Презренным трусам в руки не достался!»

176 Почуял граф, что близок час кончины:
Чело и грудь объял смертельный холод...
Бежит Роланд, — и вот, под сенью ели
На мураву зеленую он пал.
Лежит ничком, к груди своей руками
Прижал он меч и зычный Олифант,
Он лег лицом к стране испанских мавров,
Чтоб Карл сказал своей дружине славной,
Что граф Роланд погиб, но победил.
В своих грехах он просит отпущенья,
И к небу он перчатку протянул.

177 Почуял граф, что дольше жить не будет,
Он на холме лежит лицом к испанцам,
И бьет он в грудь слабеющей рукой:
«О, боже! Дай в грехах моих прощенье,

Во всех грехах, и малых, и великих,
Что я со дня рожденья совершил!»
И к небу он простер свою перчатку,
И ангелы слетаются к нему.

- 178 Лежит Роланд лицом к земле испанской,
Лежит под сенью ели. Вспомнил он
О многом вдруг: о землях, им добытых,
О родине, о Франции-красе,
И вспомнил он о Карле-властелине,
Своем кормильце, — слезы удержать
Не мог Роланд, — подумал о спасеньи
И просит все грехи свои простить:
«Отец небесный, боже милосердный,
От смерти спасший Лазаря святого,
Из пасти львов исторгший Даниила,
Душе моей лишь ты один защитник, —
Спаси меня, прости мои грехи!»
И к небу он простер свою перчатку,
Ее принял архангел Гавриил.
Поник челом Роланд — боец могучий,
Скрестил он руки, смерти час настал.
Послал к нему всевышний херувимов,
И Рафаил слетел к нему на землю,
И Михаил заступник, вместе с ними
Слетел и сам архангел Гавриил...
И вот — с душой Роланда херувимы
Помчались прямо в чудный, светлый рай...

- 179 Погиб Роланд, его душа на небе.
Могучий Карл вернулся в Ронсеваль.
Покрыты сплошь луга, долины, горы
Телами павших франков, сарацин.

«О, где ты, друг Роланд, племянник милый? —
Воскликнул Карл. — Где доблестный Турпин,
Где Оливьер, Жерен, Жерье, Иворий,
Ивон — мои любимцы, где Одон,
Где Ансеис, Самсон и престарелый
Жерард и ты, гасконец Энжелье?!
О, где вы, где, оставленные мною
На страже здесь, двенадцать славных пэров?»
Увы, никто ему не отвечал!
«О, боже, — молвил Карл, — зачем не мог я
Сей бой начать!» — и в горести жестокой
Могучий Карл рвет бороду седую,
И с ним рыдают все его бароны:
Их двадцать тысяч замертво упало
От горести; старик Нэмон Баварский,
Увидев то, в смущенье онемел.

180 Рыдают все, и герцоги, и графы,
Над трупами своих сеньоров ленных,
Детей и братьев, близких и друзей...
И многие от горя и печали
На землю пали. Лишь Нэмон Баварский
Остался тверд и мужествен: «Король! —
Воскликнул он. — Вон там вдали, смотрите,
Клубится пыль: то рать испанских мавров.
Вперед, за все должны вы отомстить!»
«О, горе, как они уже далеко! —
Воскликнул Карл. — О, боже милосердный,
Верни мне честь, верни мое мне право!
Творец! Сегодня Франции прекрасной,
Отчизны нашей милой цвет погиб!
Вы, Жебуин, Одон, Тибальд из Реймса
И граф Милон — вы поле стерегите,

Чтоб павших звери хищные и львы
Не растерзали. Также не давайте
И челяди ограбить их... Смотрите,
Чтоб к трупам здесь никто не прикасался,
Пока мне бог не даст сюда вернуться!»
С любовью так ответили бароны:
«Исполним все, великий, справедливый
Владыко наш!» И тысяча французов
Осталась с ними трупы сторожить.

- 181 Велит король греметь в рога и трубы,
Со всей дружиной вслед за войском мавров
Несется Карл. У всех одно желанье —
Настичь врагов; и видит славный Карл,
Что скоро ночь. Тогда на луг зеленый
Сошел с коня великий император,
Простершись ниц; движенье солнца просит
Остановить и день продлить... Тогда
Он ангела знакомый голос слышит:
«Воспрянь, король! Продлится свет денной,
То ведомо творцу, что ты сегодня
Лишился цвета Франции прекрасной,
За все теперь ты можешь отомстить!»
Воспрянул Карл и вновь в погоню мчится.

- 182 Великое по просьбе Карла чудо
Явил господь: стояло неподвижно
На небе солнце. Полчища испанцев,
У Валь-Генебра франки настигают,
Разят неверных, гонят к Сарагоссе
И все пути отрезали врагам.
И вот пред ними Эбро, — в этом месте

Раса течет со страшной быстротой.
Ни кораблей, ни лодок не нашли там
Толпы неверных, — прямо в волны Эбро
Вскочили мавры, тщетно призывая
Себе на помощь бога Тервагана.
Одних тотчас же ко дну потянули
Тяжелые доспехи, а других
Река крутила быстро по течению;
Счастливей прочих были те, что только
Лишь напились не в меру, — наконец,
Погибли все ужасной смертью мавры.
«В недобрый час вы встретились с Роландом!» —
Кричат неверным франкские полки.

- 183 Увидел гибель мавров Карл Великий:
Побиты все иль в Эбро утонули,
Досталась франкам знатная добыча...
Сошел с коня и, на лугу простершись,
Благодарит творца король могучий.
Когда ж он встал, то солнце уж зашло.
И молвил Карл: «Мы здесь привал устроим,
Уж поздно нам вернуться в Ронсеваль:
Устали кони, их вы разнуздайте,
Пустите всех пастись на этот луг».
«Ты прав, король», — ответили французы.

- 184 Расположился на ночь Карл Великий,
Сошли с коней в той местности пустынной
Его дружины. Сняв уздечки, седла,
Они коней пустили там пастись
На луг, травую свежую покрытый.
О скакунах оставя все заботы,
Усталые французские бароны

Там на земле лежали. В эту ночь
Никто не правил стражи, все заснуло.

185 На мураве лежит могучий Карл:
Он в головах свое копьё поставил
И лат, блестящих золотом, не снял.
На нем блестит и шлем его, а дивный
Булатный меч привешен у бедра;
Звался тот меч Жойез, — и в день единый
Его цвета менялись тридцать раз.
Известно всем, что волею господней
Могучий Карл достал конец копьё,
Которым наш господь, наш искупитель,
Был на кресте врагами прободен.
То острие великий император
Велел сокрыть в тяжелой рукояти
Булатного меча. С тех самых пор
И Карла меч в честь этого был назван
Жойез — то знают все бароны наши;
Их крик «Монжой!» в честь этого меча
Грозой гремит всегда на поле битвы,
И ни один народ не устоит.

186 Луна блестит, и ночь светла. В печали
Лежит король, — он вспомнил о Роланде,
Об Оливьере, пэрах, прочих франках,
Они в крови лежат среди теснин!
И зарыдал великий император,
Он бога просит души их спасти...
Устал король, трудов великих много
Он перенес в тот день, — и Карл заснул.
С ним рядом там лежат его дружины,
Устали кони: ни один из них

Не мог стоять, травой кормились лежа...
Да, кто немало бедствий претерпел,
Тот многому научится, конечно!

- 187 Измучен Карл, он спит тревожным сном.
Послал к нему всевышний Гавриила,
Чтоб охранять его. У изголовья
Всю ночь стоял господень светлый ангел,
И страшный бой, что Карлу предстоял,
Явил ему в пророческом виденье:
Взглянул на небо Карл и видит громы,
Огонь и град, и молния, и бури...
И разом все обрушилось на франков:
Яблонových и ясеневых копий
Все острия и древка запылали,
Зажглися брони, шлемы и щиты,
Их сталь гремит, и стонет войско Карла...
Стремятся к франкам змеи, леопарды,
Медведи, гидры, чудища, по виду
Уродливей исчадий ада, с ними
Ужасных грифов ровно тридцать тысяч...
И франки все кричат: «Король, на помощь!»
В печали Карл стремится к ним, но вдруг
Свирепый лев навстречу Карлу мчится,
Он в бешенстве бросается, и с ним
Схватился Карл, и бой кипит жестокий...
Кто победит — не ведает король.
Все спит король, до утра не проснулся.

- 188 И сон другой увидел император:
Он в Ахене своем, за цепь он держит
Медведя там. Вдруг из лесу к нему,
Со стороны Арденн, больших медведей

Приходит тридцать, все они, как люди,
Ему сказали: «Карл, за что ты держишь
Его в плену? Он родич наш, и все мы
За ним пришли!» Из залы к Карлу мчится
И пес борзой и с самым крупным зверем
Вступает в бой, схватились на лугу...
Кто победит — неведомо владыке...
Таков был сон, что Карлу божий ангел
Явил тогда. До утра спал король.

- 189 Примчался царь Марсилиий в Сарагоссу,
Сошел с коня под сению оливы;
Он слугам отдал шлем, броню и меч
И в корчах пал: лишился он десницы,
И кровь течет ручьями на траву,
А близ него царица Брамимонда
Рыдает, стонет. Двадцать тысяч мавров
И Францию, и Карла проклинаят...
В пещере там стоял их Аполлин, —
К нему бегут с проклятьями испанцы:
«Проклятый бог, нас всех ты опозорил,
Ты дал в обиду нашего царя!
За нашу службу верную в награду
Ты что нам дал!?» И скипетр, и порфиру
Там сорвали с него, топтали, били
И за руки привесили к столбу.
Его кумир на щепы весь распался...
Затем схватили бога Тервагана
И сорвали с него карбункул яркий.
В глубокий ров был брошен Мухамед,
Его топтали свиньи и собаки!..

- 190 Очнулся царь. В палаты расписные
Велел себя тотчас перенести.

Его жена, царица Брамимонда,
Рыдает, плачет, кудри рвет свои:
«О, Сарагосса, ныне ты лишилась
Марсилия, владыки своего!
Покинули предатели нас боги,
И будет трус эмир наш, если в бой
Не вступит он с дружиной дерзких франков,
Которых смерть нимало не страшит!
Наверное, без боя не отступит
Их славный Карл, седобородый вождь!
Его, увы, никто убить не может!»

- 191 Могуч был Карл: семь долгих лет он пробыв
В земле испанской, грады взял и замки.
Уж в первый год войны Марсиль-царь
Послал письмо к эмиру Балигану,
Тому эмиру старому, седому,
Что был древней Virgilia, Гомера
(Он царствовал в Египте, в Вавилоне).
Эмира царь просил прийти на помощь,
Не то грозил Марсиль-царь отречься
От всех богов, принять закон Христа
И поклониться Карлу-властелину.
Не мог эмир тотчас прийти на помощь —
Не близок путь. Со всех своих владений
(До сорока их было) Балиган
Собрал войска; он тьму галер и лодок
И кораблей собрал в Александрии
И вот весной пустился в дальний путь.

- 192 Огромны силы диких африканцев,
И по волнам плывут их корабли,
С вершины мачт карбункулы сверкают,

И фонари, и светочи горят.
Все море свет великий озаряет,
И ночью вид прекрасен волн морских.
Вот Балиган в Испанию приехал:
Как солнцем, все вокруг озарено;
Испанский царь о том узнал тотчас же.

193 Эмира войско дальше в путь стремится,
Вошло в реку, оставя в стороне
Марбриз, Марброз, — плывет по волнам Эбро
Неверных рать. Карбункулы сверкают,
Всю ночь сиял великий, чудный свет...
И вот — эмир у крепкой Сарагоссы.

194 Был ясный день, светило ярко солнце.
Эмир сошел на берег. Близ него
Эспанелис, за ним еще семнадцать
Других царей, а герцогам и графам
И счета нет! Под лавром, средь долины
На мураве — ковер александрийский,
На нем был трон слоновой кости чудной:
Сам Балиган, язычник нечестивый,
Воссел на нем. Вокруг него стояли
Его дружины. Молвил Балиган:
«Послушайте, свободные бароны
И рыцари, что я хочу сказать:
Державный Карл, французов повелитель,
Без разрешенья нашего отныне
Ни пить, ни есть уж больше не посмеет!
Жестоко он громил испанских мавров,
Но я теперь во Францию пойду,
Всю жизнь готов я биться: Карл погибнет
Иль о пощаде будет нас молить!»
Эмир перчаткой хлопнул по колену.

195 Эмир решил — и нет таких сокровищ,
Из-за которых он бы отказался
От своего решенья. В землю франков
До Ахена, где Карл свой правит суд,
Идти он хочет. Все его дружины
Согласны с ним. И двух своих баронов
Зовет эмир: «Кларин и Кларифан,
Царь Мальтрайен, отец ваш, быть в посольстве
Всегда любил. Не медля отправляйтесь
К Марсилию: ему вы возвестите,
Что прибыл я, и если войско Карла
Мне встретится, то грянет страшный бой!
Перчатку златом шитую и посох
Царю отдайте; если он придет
Меня почтить, то я войной жестокой
Во Францию прекрасную пойду.
И если Карл отречься не захочет
От христианской веры и, во прахе
Простершись ниц, меня молить не будет,
Сорву с него венец я золотой!»
«Вот это так!» — кричат толпы неверных.

196 «Скорее в путь! — воскликнул вождь поганых. —
Один с перчаткой, с посохом другой!»
«Исполним все!» — ответили посланцы.
И вот они примчались в Сарагоссу,
Проехали врата, мосты, весь город
С предместьями, где жили горожане,
Услышали у замка стон и плач.
Рыдали все толпы испанских мавров,
Своих богов поганых проклинали
Всех: Тервагана-бога, Магомета,
И Аполлина: в них, ведь, проку нет!

«Что делать нам, несчастным! Горе, горе,
Позор! Наш царь погибнет жалкой смертью:
Ему Роланд десницу отрубил!
И Юрфалей, царевич светлокудрый,
Погиб в бою, и весь наш край родимый
Добычей станет Карла!» Ко дворцу
Подъехали посланцы Балигана.

197 Сошли с коней под сению оливы
Послы эмира. Два испанских мавра
Их скакунов держали под уздцы.
И вот послы идут в чертоги вместе,
Идут, держа друг друга за плащи,
На самый верх по лестнице взобрались
До комнаты со сводами — и там
Приветствие сердечное сказали
Марсилию: «Храни тебя могучий
Владыко наш, великий Мухамед!
Да сохранил тебя с твоей царицей
И Терваган, наш бог, и Аполлин!»
«Вещали вы бессмысленные речи! —
Послам в ответ сказала Брамимонда. —
Все боги наши — трусы: в Ронсевале
Они вчера нас предали врагам,
Погибли все испанские бароны,
Богами был покинут царь наш в битве,
И кисть руки отсек ему Роланд,
Могучий граф, племянник славный Карла.
О, горе! Карл Испанию захватит!
Что делать мне, несчастной, одинокой?
Ужель меня убить не согласится
Никто из здесь стоящих сарацин!»

- 198 «Оставьте речи праздные, царица! —
Сказал Кларин. — Свой посох и перчатку
Прислал сюда язычник Балиган,
Он наш эмир и скоро вам поможет.
Река покрыва нашими судами:
Всего галер там тысячи четыре,
А кораблей и лодок быстроходных
Не перечесть! Могуч эмир, и с Карлом
Во Францию пойдет он воевать,
Пока король пощады не попросит,
Иль не падет!» — «Все кончится бедой! —
В ответ на то сказала Брамимонда.—
Чтоб франков рать найти, не так далеко
Придется вам ходить, — в земле испанской
Семь долгих лет сражаются они!
Их славный Карл могуч, отважен, грозен,
Он предпочтет позору смерть в бою.
Лишь дети все цари в сравненьи с Карлом,
Он никого на свете не страшится!»
- 199 «Оставьте споры! — молвил царь Марсильи. —
Сеньоры, вы со мною говорить
Должны теперь: я в горести ужасной, —
Мой Юрфалей, единственный наследник,
Погиб в бою. Пусть ваш эмир могучий
Придет ко мне, ему мои владенья
Я отдаю, они ему по праву
Принадлежат. От Карла защитит
Он должен нас. Быть может, против Карла
Я дам ему полезные советы —
И вскоре он французов победит.
Ключи моей обширной Сарагоссы
Эмиру вы, не медля, передайте

И мой совет ему: остаться здесь!»
Послы в ответ: «Вы правы, царь Марсиль!»

- 200 И молвил царь: «Французов повелитель
Разграбил всю Испанию мою,
Избил мои могучие дружины
И города мои опустошил.
Теперь с дружиной он стоит близ Эбро,
Всего семь лье отсюда к их стоянке
(Я сам считал). Пусть ваш эмир придет
И пусть ведет на бой свои дружины».
Вручил ключи Марсиль, и посланцы,
Простившись с ним, в обратный мчатся путь.
- 201 Приехали в испуге к Балигану
Его послы; от них ключи он принял
И так спросил: «Что видели вы там? —
А где же царь?» — «В бою смертельно ранен, —
В ответ на то сказал ему Кларин. —
Вчера прошел ущелья Карл Великий,
Хотел к себе во Францию вернуться
И за собой, среди ущелий мрачных,
Почетную оставил стражу он.
Там был Роланд, его племянник славный,
И Оливьер, и все двенадцать пэров,
И двадцать тысяч рыцарей отборных.
Испанский царь, как истый храбрый витязь,
Напал на них, он встретился с Роландом,
И тот ему булатным Дюрандалем
Десницы кисть в сраженьи отрубил,
Затем Роланд зарезал Юрфалея
(Марсилия он был любимый сын).
Всю истребил Роланд дружину мавров,

И в бегство был Марсилиий обращен,
Жестоко гнал его король французов!..
Зовет тебя испанский царь на помощь,
Он власть свою и землю рад отдать».
В раздумье впал тогда эмир-язычник;
Так велика печаль его, что он
Едва-едва рассудка не лишился!

- 202 «О, властелин! — сказал Кларин эмиру. —
Был бой вчера в долине Ронсевалья:
Погибли там Роланд и Оливьер,
Любимцы Карла, там погибли пэры
И двадцать тысяч войска короля.
Зато в бою руки своей лишился
Испанский царь, и все побиты мавры:
Одни в бою легли костьми, другие
Во время бегства в Эбро потонули...
На берегу, поблизости от нас,
Французов стан, и, если ты захочешь
То вряд ли ныне франкские дружины
Уйдут от нас все целы, невредимы!»
Возликовал, услыша речь такую,
Неверных вождь: глаза сверкнули грозно.
Он встал: «Скорей на берег выходите! —
Воскликнул он. — Садитесь на коней,
И если старый Карл не обратится
Сейчас же в бегство, — царь испанских мавров
Жестоко ныне будет отомщен:
За кисть руки, которой он лишился,
Ему я Карла голову пришлю!»

- 203 На берег вышло войско Балигана,
Вскочили все на резвых скакунов

И мчатся быстро, их эмир торопит;
И так он молвил другу своему:
«Друг Жемальфин, веди мои дружины».
И на коня вскочил затем эмир,
И, взяв четыре рыцаря с собою,
К Марсилию примчался в Сарагосу,
И там эмир у мраморных ступеней
Сошел с коня: ему четыре графа
Держали стремя. Он наверх взошел.
К нему бежит царица Брамимонда:
«О, горе мне! Погибнет жалкой смертью
Мой властелин, Марсиль сарагосский!»
И бросилась она к ногам эмира;
Он встать помог ей. В горести, в печали
Они пошли в покой, где царь лежал.

- 204 Марсиль-царь увидел Балигана,
Позвал к себе двух графов мавританских
И молвил им: «Меня приподымите
Скорей, друзья! — и левою рукою
Эмиру он перчатку протянул. —
Мои все земли, ленные владенья
Тебе, эмир, теперь принадлежат! —
Воскликнул царь. — Себя я опозорил
И свой народ навеки погубил!»
«Мне жаль тебя! — сказал эмир-язычник. —
Но здесь нельзя мне дольше оставаться, —
Ведь Карл уйдет, меня он ждать не станет!
Перчатку я охотно принимаю...» —
Так молвил он — и горько зарыдал.
- 205 Сошел эмир по лестнице проворно,
Сев на коня, летит к своим дружинам.
Примчался он и зычно к ним воскликнул:

«За мной, мои язычники, на франков,
Не дайте им уйти из наших рук!»
Встал на заре могучий император,
И посланный от бога Гавриил
Благословил его. Свои доспехи
Оставил Карл, и все его бароны
Доспехи сняли. Быстро мчатся франки,
Летят они к ущельям Ронсеваля,
Чтоб поле страшной битвы осмотреть.

206 Приехал Карл в долину Ронсеваля,
Над трупами он горько зарыдал:
«Сеньоры, — молвил он своим баронам, —
Своих коней сдержите, я один
Пойду искать Роланда по долине.
На празднике торжественном когда-то
В первопрестольном Ахене моем
Мои бойцы младые похвалялись
Отвагою своей в боях жестоких, —
Роланд сказал, что если он погибнет
Когда-нибудь в краю чужом, далеком, —
Всех впереди найдут его останки,
Лицом к врагам он будет там лежать,
Чтоб знали все, что граф Роланд могучий,
Как победитель, пал на поле чести».
Так далеко, как можно бросить жезл,
Вперед проехал франков повелитель,
И на высокий холм взобрался он.

207 Роланда ищет славный император,
О, сколько там увидел он цветов,
Окрашенных багряной кровью франков!
Он зарыдал. И на холме высоком

Увидел он два дерева. Под ними
На скалах Карл нашел следы ударов
Роландова булатного меча.
На мураве лежал его племянник.
То диво ли, что горесть охватила
Всю душу Карла? Он сошел с коня,
Племянника приподнял он и страстно
Прижал к груди. Над трупом бездыханным
Лишился чувств от горя славный Карл.

208 Очнулся Карл: Нэмон, баварский герцог,
Жоффрей д'Анжу и брат его Тьерри,
И Ацелин к стволу зеленой ели
Владыку франков тихо прислонили.
Взглянул король — и видит: на земле
Лежит Роланд; тогда владыка франков
Над мертвым тихо начал причитать:
«Пусть бог простит тебе, племянник милый,
Твои грехи! Никто с тобой сравниться
Не мог в искусстве рать вести на бой:
Померкли ныне честь моя и слава!»
И замертво упал могучий Карл.

209 Пришел в себя великий император,
И под руки его четыре графа
Держали там. Взглянул на землю Карл
И видит труп племянника Роланда...
Нет ран на нем, но бледен лик прекрасный,
И помутились очи; их окутал
Глубокий мрак. Тогда с любовью нежной
Стал причитать над ним могучий Карл:
«О, друг Роланд, да примет в рай цветущий
Тебя господь! Пусть там душа твоя

Среди святых ликует! Ты на горе
Пришел со мной в страну испанских мавров.
Всегда, везде в ужасном горе буду
Теперь рыдать, племянник, по тебе!
Увы, лишусь могущества и счастья:
Кто честь мою отныне защитит?
Теперь я всех друзей своих лишился,
Ни родичи мои, никто на свете
Тебя, Роланд, не может заменить!»
И кудри рвет обеими руками
Могучий Карл. Вокруг бароны наши
Там плачут все и стонут, и рыдают.

210 «О, мой Роланд, вернись я в край родимый,
В Лаоне суд свой править буду я,
Из многих царств придут чужестранцы
И спросят: «Где твой доблестный племянник,
Могучий вождь?» — А мне сказать придется:
«В Испании он кончил жизнь свою!»
С большим трудом я царством править буду
И каждый день, Роланд, племянник милый,
Рыдать и плакать стану по тебе!»

211 «Роланд, Роланд, о, юноша прекрасный,
Могучий витязь, друг сердечный мой!
Когда вернусь я в Ахен первостольный,
Придут ко мне из разных стран пришельцы
И о тебе расспрашивать начнут;
Придется мне нерадостные вести
Поведать им: «Погиб Роланд могучий,
Что столько царств мечом завоевал!..»
И против нас тогда восстанут саксы,
Болгаре, венгры, римляне, пулийцы,

И жители Сицилии, и много
Других племен: восстанут африканцы
И Калиферны жители. Всечасно
Мои труды все будут возрастать!
Кто поведет на бой мои дружины!?
Тот вождь погиб, что их водил к победе,
Навеки ты теперь осиротела,
О, родина, о, Франция-краса!
И так сильны печаль моя и горе,
Что только смерти жажду я теперь!»
И рвет браду великий император,
Он кудри рвет обеими руками,
От горя там сто тысяч наших франков
На землю пали замертво пред ним.

- 212 «Прекрасный друг, ты пал на поле битвы,
Да примет в рай тебя всеильный бог!
Убийца твой навек покрыл позором
Отчизну нашу, Францию-красу!
Меня гнетет Жестокая кручина!,
Увы, теперь лишь смерти жажду я!
О, горе! Все друзья мои погибли!
Тебя, о, боже, сын Марии девы,
Тебя, Христос, смиренно я молю:
Пусть раньше, чем ущелий Цезарийских
Достигну я, меня похитит смерть,
И пусть мой дух с друзьями будет вместе,
Пусть с их телами труп зароят мой!»
Рыдая, Карл рвет бороду седую...
«В большой печали Карл!» — сказал Нэмон.

- 213 «Вы не должны так горю предаваться,
Могучий Карл, — сказал Жоффри д'Анжу. —

Тела убитых франков прикажите
Собрать теперь, в могилу всех сложить!»
«Труби в свой рог!» — ответил император.

214 Жоффрей д'Анжу трубит в свой зычный рог:
Сам Карл велит, — с коней сошли бароны
И вот, собрав друзей погибших трупы,
Их всех сложили в общую могилу.
Довольно было в славном войске Карла
Епископов, монахов и аббатов.
Они дают погибшим отпущенье,
Затем они, как должно, трупы их
И ладаном, и миррой окурили
И отошли. Что ж больше делать им?

215 Велел король стеречь тела баронов,
Епископа, Роланда, Оливьера,
Затем велел их вскрыть перед собой.
В парчевый плащ сердца их завернули
И положили в белый саркофаг.
Обмыв вином и перечным настоем.
Тела вождей покрыли шкурой лося;
И вот король зовет своих баранов:
«Тибальд, Милон, Одон и Жебуин,
Везите их тела на трех повозках!»
Покрыли трупы шелковым ковром...

216 Пуститься в путь хотел король могучий,
Как вдруг пред ним предстали африканцы
(То был эмира полк передовой),
И два посла, от строя отделившись,
Подъехали, чтоб вызов передать:
«Ты не уйдешь от нас, француз надменный,

Сам Балиган наш мчится за тобою,
И с ним его бесчисленная рать:
Твою мы храбрость ныне испытаем!»

- 217 В печали Карл браду седую треплет:
О горестном погроме вспомнил он,
И, гордым взором рать свою окинув,
Он зычно крикнул всем своим дружинам:
«К оружию, бараны, на коней!»
- 218 И первым Карл на бой вооружался:
Броню надел и шлем свой, у бедра
Привесил меч, блиставший ярче солнца,
Потряс копьем, вскочил на Тасендюра,
На скакуна (его когда-то добыл
Великий Карл у брода близ Марсонны:
Там был убит нарбоннский Мальпалин),
И вскачь промчался Карл пред строем франков
К себе на помощь бога призывая
И римского апостола Петра.
- 219 По всей долине спешились французы,
Сто тысяч их вооружалось там.
Им всем к лицу прекрасные доспехи,
Ретивы кони их, с булатных копий
Значки до самых шлемов ниспадают.
Проворно франки сели на коней,
С врагами в бой вступить они готовы.
И, чудный строй дружин своих увидев,
Воскликнул Карл к Нэмону, Жозерану,
К Антельму (он из Майнца родом был):
«Безумен тот, кто может усомниться
В отваге этих доблестных вассалов!

Да, если здесь арабы встретят нас,
Заплатим мы жестоко им за гибель
Племянника Роланда!» — «Дай-то бог!» —
Сказал в ответ Нэмон, баварский герцог.

- 220 И молвил Карл Рабелю, Гинеману:
«Сеньоры, вам теперь повелеваю
Занять места Роланда, Оливьера;
Возьмите меч и зычный Олифант,
На бой ведите первую дружину,
Среди французов наших изберите
Пятнадцать тысяч юных удалцов,
И столько же пойдет за вами следом,—
Их Жебуин с Мераном поведут».
Граф Жозеран, Нэмон, баварский герцог,
Построили, не медля, два полка,
С врагами в бой вступить они готовы.
- 221 За первыми двумя полками франков
Построились баварские вассалы —
Всего числом их ровно тридцать тысяч.
Никто из них не дрогнет пред врагом.
И больше всех племен, ему подвластных,
Их любит Карл, конечно, исключая
Своих французов (с ними много царств
Завоевал могучий император).
Отважный вождь из Дании — Ожье
Ведет на бой могучий полк баварский.
- 222 Уж три полка построил император,
Четвертый полк построил вождь Нэмон, —
Там двадцать тысяч храбрых аллеманов,
Ретивы кони их, доспехи крепки,

Бароны эти смерти не страшатся,
Их всех ведет на битву вождь ракийский:
То витязь Герман, — он скорей погибнет,
Чем рыцарям подаст худой пример.

223 Граф Жозеран, Нэмон, баварский герцог,
Построили норманнов двадцать тысяч:
Ретивы кони их, доспехи крепки, —
Норманнов смерть нисколько не страшит,
Нигде на свете нет храбрей вассалов,
Старик Ричард ведет их полк на битву, —
Сумеет он врагов рубить мечом!

224 В шестом полку — бретонские вассалы:
Их сорок тысяч доблестных бойцов.
Как истые отважные бароны,
На скакунах они сидят красиво:
Торчат их копья, свернуты значки;
Их вождь Эдон позвал к себе Тибальда
И Нивелона-графа и Отона:
«Я вам мои дружины поручаю, —
Сказал он им, — ведите их на бой!»

225 Уж шесть полков построил император,
А вождь Нэмон построил полк седьмой:
В нем были все вассалы из Оверни
И рыцари Пуату—всех сорок тысяч.
Ретивы кони их, доспехи крепки.
Весь этот полк от прочих в стороне
Был под холмом построен среди равнины.
Державный Карл его благословляет.
Ведут на бой весь этот полк могучий
Граф Жозеран и храбрый граф Годсельм.

- 226 И полк восьмой Нэмон тогда построил,
Он состоял из фризов и фламандцев:
Всех — сорок тысяч, стойкостью в сраженьи
Они известны. «Нам таких и надо!» —
Промолвил Карл. Ведут на бой фламандцев
Рэмбо и вождь Галиции — Аймон.
- 227 Граф Жозеран, Нэмон, баварский герцог,
Девятый полк из доблестных вассалов
Построили: то люди из Бургони,—
Всего числом их тысяч пятьдесят,
Включая также храбрых логарингцев.
На всех надеты шлемы, блещут брони,
У каждого короткое копье.
Да, если с ними в бой арабы вступят,
То славно драться будет этот полк, —
Его ведет Тьерри, аргонский герцог.
- 228 Десятый полк из франков состоит.
В нем до ста тысяч доблестных баронов,
Их вид суров, стройны бароны наши,
Их головы покрыты сединами,
И бороды у всех белее снега.
Дубленой кожи брони их блестят;
У каждого французский иль испанский
Булатный меч; различные узоры
Щиты баронов наших украшают...
И жаждут битвы франкские вассалы,
Вскочили все на резвых скакунов,
Гремит «Монжой!» Сам Карл ведет дружины,
Жофfrey д'Анжу несет их орифламму —
Ее сперва все звали «римской», долго
Она была — Петра святого знамя,
Но с этих пор ее зовут «Монжой!»

- 229 Сошел на луг великий император,
Лицом к востоку он простерся ниц
И в пламенной молитве просит бога:
«О, защити меня, отец небесный!
Ты Иону спас, когда его пожрал
Огромный кит, владыку ниневийцев
Ты сохранил и спас его народ,
От страшных мук избавил Даниила,
Его от львов свирепых ты избавил,
Из печи ты трех отроков исторг!
Теперь к тебе о милости взываю:
О, дай за смерть Роланда отомстить!»
- 230 Свою молитву кончил император,
И, знаменем великим осенивши
Свое чело, он сел на скакуна.
Граф Жозеран, Нэмон держали стремя.
Он взял копьё и щит. Прекрасен, строен,
Могуч король, лицо его сияет...
На скакуне гарцует гордо Карл,
Трубят французов трубы боевые,
И все покрыл гремящий Олифант —
Напомнил он французам о Роланде,
И в горести бароны зарыдали.
- 231 Был на коне прекрасен Карл Великий:
Поверх брони висит брада седая,
И по примеру Карла все французы
Брады своей не скрыли под броней, —
Легко узнать средь войска наших франков!
И вот они прошли долины, горы,
Прошли ущелья мрачные, пустыни —
В земле испанской стали на лугу.

Разведчики вернулись к Балигану,
И так сказал ему один сириец:
«Мы видели надменного француза:
Надежен, грозен франков этих строй!
К оружию! Король идет на битву!»
«Весть добрая! — воскликнул Балиган. —
Поведайте о том моим дружинам!»

- 232 Со всех сторон рокочут барабаны,
Весь стан неверных трубы оглашают,
Гремят повсюду зычные рога,
На бой арабы все вооружались.
Эмир, не медля, броню надевает
(Ее края все золотом расшиты);
Он шлем надел в камнях драгоценных
И добрый меч привесил у бедра.
Он в гордости своей примеру Карла
Последовать хотел и называет
Свой меч «Пресъез», и в битве это имя
Язычникам служило ратным криком.
Эмир на шею щит большой надел,
Из хрусталя и золота наверхше
Его щита, а ручка вся в атласе.
Схватил эмир свое копьё «Мальтей»;
Как палица — копыя стального древко,
А наконечник тяжести такой,
Что мул один стащить его не мог бы.
На скакуна вскочил тогда эмир,
Поганых вождь, и стремя гость заморский
Маркуль держал. Прекрасен Балиган:
Широкобедр и статен, грудь огромна,
Широки плечи, светел взор орлиный,
И лик суровый блещет красотой,

На лоб седые кудри ниспадают, —
Они белей, чем яблоня в апреле.
Эмир могуч, отважен. Боже правый,
Как жаль, что он не верует в Христа!
Вот был бы вождь! Он шпоры золотые
Всадил в коня, и кровь течет ручьем.
Понесся конь и ров скачком могучим
Перескочил он фугов в пятьдесят.
И молвят все арабы: «Этот витязь
Свои владенья может защитить!
Беда тому, кто драться с ним решится!
Безумный Карл бежать не захотел!»

- 233 Эмир по виду Истый, славный витязь,
Покрыла грудь его брада седая,
Она белей, чем яблоня весной.
Эмир отважен, мудростью известен,
Он смел в бою, а сын его Мальприм
Заветной славе предков не изменит;
Он горд, могуч. «Вперед, мой повелитель! —
Воскликнул он. — То диво, если Карл
Нас встретить здесь решится». — «Несомненно
Он встретит нас», — ответил Балиган. —
«Бесстрашен Карл, о нем во многих песнях
Гремит молва, но пал его племянник...
Пред нами Карл не может устоять!»

- 234 «Любезный сын, — сказал эмир Мальприму, —
Вчера погибли: храбрый граф Роланд
И Оливьер, отважный, славный витязь,
Любимцы Карла, там погибли пэры
И двадцать тысяч рыцарей отборных.
Всех остальных французов короля

Я менее ценю моей перчатки!
Идет на нас король со всей дружиной;
Разведчик мой, сириец, мне сказал,
Что Карл ведет полков огромных десять.
Пред строем их два витязя гарцуют,
Трубят в трубу и в зычный Олифант,
Пятнадцать тысяч с ними юных франков,
Которым Карл дал прозвище «детей»,
Не менее идет других за ними:
Жестоко нас хотят они разить!»
«Дозвольте мне на них ударить первым!» —
Сказал эмиру сын его Мальприм.

235 «Я все твои желанья исполняю, —
Сказал эмир; — иди на этих франков.
Любезный сын, возьми с собой Торлея
И Даламора — лютичей царя.
И если вы француза спесь собьете,
Я часть своих владений вам отдам —
От Шериана вплоть до Валь-Маркиза .
«Исполним все, спасибо, государь!» —
Сказал Мальприм, и право на владенье
Земли царя Флэри он получил,
Но никогда ее не увидал он
И во владенье не был утвержден!

236 Эмир объехал все свои дружины,
С ним мчится рядом сын его Мальприм,
Велик был ростом этот африканец.
С ним были там: Торлей — король персидский
И Даламор; полков великих тридцать
Построились. Их войску нет числа:
Слабейший полк был ровно в тридцать тысяч.

Всех впереди шли люди Бутентро
(Страны, откуда родом был Иуда),
За ними мисбы (головы огромны
У этих мисбов, вся спина у них,
Как у свиней, щетиною покрыта),
За ними шли нубийцы, блоссы, руссы,
Славяне, сорбы, соры, и армяне,
Иерихона жители, и мавры,
И grosы, негры, жители Балида
(Что никому добра не пожелали).

237 Эмир клянется телом Магомета,
Что повелитель франков лишь безумец,
Что если он решится в бой вступить,
То никогда венца уж не наденет!

238 Других полков эмир построил десять.
Там было племя страшных хананеян
Из Валь-Флури, там турки, персияне,
Авары, с ними сольгры, печенеги,
Там жмудь и эвглы, пруссы и славяне
И Самуила племя; наконец,
Там был народ с пустынной Оссианы:
То род проклятый, в истинного бога
Не верит он, и кожа тверже стали
У каждого из этих оссианцев!
Не нужно им ни панцырей, ни шлемов,
И храбростью их славятся полки.

239 Других полков эмир построил десять.
Там великаны были из Мальпрузы,
Марузцы, гунны, венгры, и балдизцы,
Фракийцы, жойи, с ними валь-пенозцы,
Аргойльцы, ляхи, жители Кларбонны

И род брадатых жителей Валь-Фронды, —
Проклятый род, не верит он в Христа!
(В «Деяниях франков» тридцать называют
Полков эмира.) Гром стоит великий
От их рогов; как храбрые вассалы,
Летят на бой дружины Балигана.

240 Могуч эмир, пред ним несут «Дракон»,
С ним Тервагана знамя, Мухамеда,
И Аполлина идол нечестивый.
Вокруг гарцуют десять хананеян,
И зычный клич пронесся по дружинам:
«Пусть служит верно богу Аполлину —
Кто обрести души спасенье хочет!»
И вслед за этим шлемы золотые
Пред идолом склонились до земли.
«Проклятые! — Кричат дружины Карла. —
Ваш час настал, позорной смерти час!
Храни, о, боже, Карла-властелина,
Пошли ему победы торжество!»

241 Был мудр эмир; он сына призывает
И двух царей: «Вперед, мои бароны! —
Воскликнул он. — Передние полки
Ведите вы, себе я оставляю
Лишь жмудь и турков, также великанов
И жителей пустынной Оссианы.
Ударим мы на франкские дружины,
И если Карл мне встретится в бою,
Я голову с него сниму наверно, —
Вполне он эту кару заслужил!»

242 Был чуден вид полков несметных этих;
Враги сошлись среди долины ровной,

Там не было ни леса, ни холмов,
И виден был французам и арабам
Весь строй врагов от головы до ног.
«Все на коней! — воскликнул вождь неверных. —
Вперед, мои язычники, за мною!»
Пред строем их на резвом скакуне
Летит Албор со знаменем пророка.
«Пресъез!» — кричат язычники, а франки
Кричат в ответ: «Погибнуть всем вам ныне!»
И загремел победный клич «Монжой!»
Трубят французы в трубы боевые,
И все покрыл гремящий Олифант.
«Прекрасен строй французов, бой жестокий
Нам предстоит!» — сказали сарацины.

- 243 Полки сошлись среди большой равнины,
Сверкают шлемы в золоте, в камнях,
Блестят щиты и брони расшивные,
И веют копий пестрые значки.
Был резок звук рогов и труб великих,
Но все покрыл гремящий Олифант.
И брату молвил так эмир-язычник:
«Брат Канабей, властитель Флореден
(До Валс-Саврэ), — смотри, вот гордых франков
Идут полки, как грозно мчится Карл!
Вокруг него брадатые бароны,
У каждого брада белее снега.
Они рубиться славно будут с нами, —
Ужасный бой сегодня предстоит!»
И на полет стрелы вперед отъехал
Неверных вождь. «Язычники, за мной!» —
Воскликнул он, потряс копьё, на Карла
Направил он стальное острие.

- 244 Увидел Карл «Дракон» — эмира знамя,
Увидел он знамена Мухамеда
И сарацин несметные полки,
Занявшие все горы и долины
(Все, кроме луга, где стоял он сам).
«Отважные французские вассалы,
Не раз в бою вы славу добывали! —
Воскликнул зычно франков властелин. —
Смотрите, вот язычники пред вами —
Предатели и трусы сарацины,
Весь их закон динария не стоит!
Их много здесь, но что же, не беда!
Вперед, за мной!» — И вот коня прищпорил
Могучий Карл, скакнул четыре раза
Ретивый конь, и молвили французы:
«Могуч король! Вперед, наш повелитель!
Мы все за вас готовы пасть в бою!»
- 245 Был ясный день, светило ярко солнце, —
Красой блестят несметные полки.
И вот сошлись уж первые дружины,
Помчались вскачь Рабель и Гинеман,
За ними франки; копьями своими
Они разят неверных сарацин.
- 246 Могучий граф Рабель коня прищпорил
И поразил персидского царя.
Одним ударом щит пробил и броню
И в грудь врага вогнал свое копье,
И на кусты упал Торлей, сраженный.
Кричат дружины франков: «С нами бог!
Ведь Карла дело правое, и все мы
Ему в бою жестоком не изменим!»

- 247 Помчался вскачь на лютичей царя
Граф Гинеман, язычника ударил
И щит разбил, украшенный цветами,
Пробил броню и в грудь его ударил,
И со значком копье в него всадил.
Не знаю, то достойно слез иль смеха:
Сраженным пал на землю Даламор.
Увидя то, воскликнули французы:
«Рубите их! Не медлите, друзья,
Ведь Карла дело правое, святое,
Сегодня здесь свершится божий суд!»
- 248 На скакуне несется белоснежном
Эмира сын, в ряды дружин французских
Врубился он, и в кучу друг на друга
Бросает он тела баронов наших!
Увидя то, воскликнул вождь неверных:
«Арабские могучие бароны,
Я долго вас кормил и содержал,
Смотрите, вот мой сын, он ищет Карла!
Как он могуч, отважен! Не оставьте
Его, друзья, — пусть копья ваши в сече
Ему помогут!» Мчатся сарацины...
Ужасен бой: такого не бывало
Ни ранее, ни после никогда!
- 249 Великие могучие дружины
Дрались там: сошлись уж все полки.
Разят сплеча французов сарацины...
О, боже! Сколько там разбито копий,
Щитов и лат, лежат там груды трупов,
Покрыта свежей кровью мурава.
«Рубите их, вперед, мои бароны!» —

Сказал эмир. Упорный бой кипит,
Ужаснее никто не видел сечи.
Врагов лишь гибель может разлучить.

250 «Разите их! — воскликнул вождь неверных. —
В награду вам я женщин дам прекрасных,
Не пожалею ленов и земель!»
«Разить — наш долг!» — кричат в ответ арабы.
У всех в осколки копья разлетелись,
Мечей сто тысяч разом вдруг сверкнули,
И закипел ужасный бой кровавый...
Да, тот, кто там рубился, уж наверно
Тот богатырский видел страшный бой!

251 «Мои бароны! — молвил Карл Великий. —
Я вас любил, на вас я полагался,
Не раз в бою вы мне служили верно,
Завоевали мне немало царств
И государей свергли. Вам в награду
Я земли дам, несметные богатства,
Я самого себя готов отдать,
Но только вы неверным отомстите
За сыновей и братьев, что погибли
Вчера в ущельях мрачных Ронсевали!
Ведь наше дело правое, святое!»
И молвят франки: «Прав могучий Карл!»
Их двадцать тысяч в верности клянется,
Их смерти страх от битвы не удержит.
Копьем, мечом работают французы.
Повсюду смерть и горе, и страдания.

252 По полю битвы мчится вождь Мальприм.
Он страшно франков наших истребляет...

На сарацина бросил грозный взгляд
Нэмон Баварский, шпорит ретивого,
И, налетев, Мальприма поразил:
Одним ударом щит пробил и броню,
С копьем значок свой желтый в грудь вогнал,
Убил врага средь семисот неверных.

- 253 Вот мчится брат эмира, Канабей,
И, вынув меч с хрустальной рукоятью,
По шлему он Нэмона поразил.
Он шлем разбил и пять ремней разрезал,
Все наголове крепкое рассек,
От черепа часть кожи отделилась...
Ошеломил Нэмона Канабей.
От страшного удара пошатнулся
Баварский вождь, — но бог его хранит.
Неман, за шею лошадь ухвативши,
Повис на ней, — еще один удар,
И вождь Нэмон погибнет жалкой смертью,
Но вот к нему на помощь мчится Карл.
- 254 Царь Канабей свой поднял меч булатный, —
Увы, погибнет доблестный Нэмон..
«В недобрый час, язычник нечестивый,
Ты поразил вассала моего!» —
Воскликнул Карл, ударил сарацина
И на груди весь щит его разбил,
Набрэдник весь рассек одним ударом;
Помчался вдаль без всадника скакун.
- 255 С печалью в сердце видит император,
Что сильно ранен доблестный Нэмон:
Ручьями кровь течет на луг зеленый.

И молвил Карл: «Нэмон, товарищ мой,
Со мною будь!.. Тебе нанесший рану
Презренный мавр сражен копьем моим!»
«Я верю, Карл! — сказал Нэмон Баварский. —
Пока я жив, — услуги не забуду!»
И дружески они помчались рядом,
И двадцать тысяч франков вслед за ними, —
Разят врагов, кипит кровавый бой.

256 Несется вскачь эмир по полю битвы,
Он Гинемана графа поразил
И на груди разбил весь щит барона,
Прорвал броню, копьё всадил меж ребер, —
Сраженный, пал на землю Гинеман.
Сразил эмир Лорана, Жебуина,
Вождя норманнов старого Ричарда...
«Могуч эмир! — кричат толпы неверных. —
Вперед, друзья! Эмир защитник наш!»

257 Был чуден вид баронов африканских,
Дружин из Баскля, Жмуди, Оссианы...
Они наносят страшные удары,
Но франки наши им не уступают...
Тех и других уж много, много пало.
До вечера кипел жестокий бой;
Погибло много доблестных баронов;
Весь длилась день жестокая резня.

258 Сплеча рубились франки и арабы,
Лежат обломки копий и щитов.
Да, тот, кто слышал звон разбитых броней
И грохот шлемов крепких о щиты,
Кто слышал стон предсмертный и проклятья,
Тот знал, что значит горе и мученья!..

Ужасен бой: эмир зовет на помощь
Своих богов проклятых: Аполлина
И Мухамеда, бога Тервагана:
«Я вам служил, о боги, долго, верно,
Кумиры ваши золотом покрою, —
Ко мне! О дайте Карла победить!»
Вдруг Жемальфин к нему примчался с вестью:
«Ужасный день, эмир, твой сын убит! —
Воскликнул он. — И пал твой брат могучий!
Досталась эта славная победа
Двум грозным франкам; думается мне,
Из них один был Карл: велик и статен
Был этот вождь, — его брада белее,
Чем яблоня в апреле». Балиган
Поник челом, от горя чуть не умер...
И вот эмир велел позвать Жонглей.

- 259 «Ко мне, Жонглей, — воскликнул Балиган, —
Ты смел и мудр, — всегда твоим советам
Я следовал! Что скажешь об арабах,
Что думаешь о франках, чья возьмет?»
«Твой час настал! — сказал Жонглей эмиру. —
Теперь нас боги наши не спасут!
Могуч король, его полки бесстрашны!
Я не встречал подобных удалцов!
Но все ж, эмир, зови свои дружины,
Зови арабов, турков, оссианцев,
Зови гигантов, энфров и других:
Вперед, эмир, вперед — и будь, что будет!»

- 260 Всю распустил браду свою седую
Поверх брони язычник Балиган.
Белей, чем цвет шиповника в апреле,

Язычника седая борода.
Неверных вождь себя скрывать не хочет:
Он в рог трубит. Построились арабы,
Заблеяли, заржали оссианцы,
Аргойльцы воют, лают, как собаки,
И в бешенстве на франков устремились
И, смяв полки, прорвали их ряды.
Семь тысяч наших франков тут погибло.

261 Могуч Ожье, он робости не знает:
Нигде славнее не было бойца.
Увидел он, что смято войско Карла,
Позвал Тьерри, аргонского вождя,
Жоффрея с ним и графа Жозерана
И гордо молвил Карлу-властелину:
«Смотри, как бьют людей твоих арабы!
Пусть твой венец отымет у тебя
Небесный царь, когда ты не решишься
За сей позор неверным отомстить!»
Никто ему ни слова не ответил,
Лишь гонят все ретивых скакунов,
Кого ни встретят, бьют они и колот.

262 Дерутся храбро славный Карл, Нэмон,
Жоффрей д'Анжу — знаменосец Карла,
Но всех храбрей датчанин граф Ожье, —
Коня пришпорил, мчится на араба,
Что нес «Дракон»: копытами коня
Он растоптал язычника и знамя!
Увидел то могучий Балиган,
Заметил он, что знамя Мухамеда
Покинуто, — и понял вождь неверных,
Что перед богом Карл Великий прав.

Робеют все арабские дружины.
И молвил Карл: «Французские бароны,
Могу ли я рассчитывать на вас?»
«Такой вопрос обиден! — молвят франки. —
Позор тому, кто бить сплеча не станет!»

263 Проходит день, уж вечер наступает:
Мечами рубят франки и арабы,
Их привели великие вожди
Эмир и Карл, гремит их клич призывный:
«Пресъез!» — воскликнул зычно Балиган,
«Монжой!» — в ответ воскликнул император.
Тогда они друг друга узнают
По голосам раскатистым, могучим...
Они сошлись, схватились... по щитам
Вожди копьем друг друга поражают,
Под выпуклым наверхьем их пробили
И разорвали брони друг на друге
Подпруги седел лопнули — и оба
С коней упали. На ноги вскочив,
Они мечи булатные исторгли:
Лишь смерть борьбу их может прекратить!

264 Могуч властитель Франции прекрасной,
Ему эмир в отваге не уступит.
Они мечи стальные обнажили
И бьют сплеча друг друга по щитам.
Рассечены и дерево, и кожа,
На землю пали гвозди и наверхья, —
В одних бронях остались два борца,
Мечи со шлемов искры выбивают,
И меж вождями бой не прекратится,
Пока себя виновным не признает
Неверных вождь иль франков властелин.

265 «Сдавайся, Карл! Смиренно о пощаде
Проси меня! — воскликнул Балиган. —
Ты моего убил сегодня сына,
В мою страну ты вторгся незаконно...
Но я тебе отдам свои владенья
До самого Востока, если ты
Меня своим признаешь сюзереном!»
И молвил Карл: «Позор меня постигнет.
Не должен я с язычником мириться;
Крестись — и я готов тебя любить,
Уверуй только в истинного бога!»
Эмир в ответ: «Ты скверный проповедник!»
И вновь звучат булатные мечи.

266 Могуч эмир: по шлему золотому
Он короля французов поразил
И шлем разбил, камнями покрытый,
И волоса рассек; всю кожу, мясо
Булатный меч от кости отделил,
И шириной с ладонь нанес он рану
От страшного удара покачнулся
Могучий Карл, — но не судил ему
Небесный царь погибнуть в этой битве, —
Сам Гавриил опять слетел на землю
И молвил: «Карл Великий, что с тобой?»

267 И ангела узнал владыка франков,
Он вновь почуял силу и отвагу,
Мечом своим эмира поразил:
Он шлем рассек, камнями покрытый,
Рассек весь череп, мозг рассек, лицо
До бороды седой, — убит на месте
Неверных вождь — язычник Балиган.

«Монжой!» — воскликнул зычно император,
Чтоб франков рать скорей его узнала.
И вот — Нэмон приводит Тасендюра,
Вскочил король на резвого коня.
Так хочет бог, — бегут толпы неверных:
Настало наших франков торжество!

268 Так хочет бог! Бегут толпы неверных,
Жестоко гонит их могучий Карл:
«Друзья, за горе ваше отомстите! —
Воскликнул он. — Я видел, нынче утром
Рыдали вы, — за все воздайте им!»
«Ты прав, король!» — кричат дружины франков
И беспощадно рубят сарацин...
Не много их с той битвы уцелело!

269 Был страшный зной, столбом стояла пыль,
И все бегут в смятенье сарацины;
Их гонит Карл до самой Сарагоссы.
Вот Брамимонда всходит на вершину
Высокой башни; с нею там монахи,
Аббаты мавров (бог таких не любит:
На голове у них тонзуры нет,
Не посвящал никто их в сан духовный!).
Вдруг Брамимонда с башни видит бегство
Язычников — и, бросившись к царю:
«О, государь! — воскликнула царица. —
Эмир погиб в бою позорной смертью,
Разбиты наши храбрые полки!»
Лицом к стене Марсильи повернулся,
Закрыв лицо, он горько! зарыдал
И умер с горя. Был он страшный грешник:
Его душа — добыча сатаны.

- 270 Великий Карл разбил полки неверных,
Побитых тьма, — другие разбежались!
Повержены ворота Сарагоссы:
Ничто не может Карлу быть преградой,
Вошел он в город, с ним его дружины;
Проспали там до утренней зари.
И горд, и светел Карл седобородый.
Ему ключи вручила Брамимонда
Великих башен больше десяти
И малых башен больше полусотни.
Да, счастлив тот, кому поможет бог!
- 271 Проходит день, уж вечер наступает,
На небе блещет месяц, словно пламя,
Сверкают звезды. Занял город Карл.
Он дал приказ: и тысяча баронов
Обходят все мечети, синагоги,
И молотом, и ломом сокрушают
Все идолы святилищ Мухамеда.
Все колдовство, все чары навсегда
В том городе король наш уничтожил,
Он хочет богу службу сослужить:
Епископы там воду освятили
И повели креститься сарацин.
Кто не хотел креститься, — тех, не медля,
Французы жгли и вешали, и били...
Сто тысяч мавров были крещены, —
Все добрыми сынами церкви стали.
Не крещена одна лишь Брамимонда:
Ее не хочет Карл крестить насильно,
Везут ее во Францию-красу.
- 272 Проходит ночь, заря зажглась на небе,
Могучий Карл велел занять все башни,

Он тысячу баронов там оставил
Их охранять, а с прочими, не медля,
Помчался он во Францию-красу.
Он взял с собой царицу Брамимонду
(Он ей добра желает). Через Нарбонну
Проходя, франки прибыли в Бордо, —
Оставил там французов повелитель
Заветный рог, велев его отделать
Каменьями и золотом. Досьне
Смотреть на рог приходят пилигримы.
На корабле проплыл чрез всю Жиронду
Могучий Карл и в Блэ привез тела
Племянника, Турпина, Оливьера...
И, положив их трупы в саркофаги,
Велел поставить в церкви Сен-Ромэнской:
Они досьне там. В последний раз
За них бароны Карла помолились...
Идет король чрез горы и долины
И в Ахен свой престольный прибыл он.
Сошел с коня у мраморных ступеней
И во дворец высокий свой вошел.
Велел послать к саксонцам и баварцам,
К норманнам, фризам, также к лотарингцам
И к жителям Бретани и Пуату,
И наконец к бургундцам, аллеманам,
Ко всем мудрейшим франкам, чтоб прислали
Скорее судей: быстро снарядил
Великий Карл свой суд над Ганелоном.

- 273 Вернулся Карл из дальнего похода
И в Ахен свой престольный прибыл он;
Вошел в чертог высокий свой. Навстречу
Красавица к нему выходит Ода.

И молвит: «Где Роланд, воитель славный?
Он мне клялся, что женится на мне!»
Рыдая, Карл рвет бороду седую:
«О, милая сестра души моей! —
Воскликнул он. — О мертвом говоришь ты!
Но я тебе достойное возмездие
Вздам за смерть Роланда, — Лодовик,
Мой сын, наследник мой, твоим супругом
Пусть будет». — «Странны, Карл, такие речи! —
В ответ на то ему сказала Ода. —
Да сохранит меня небесный царь
И ангелы его и все святые,
Чтоб я по смерти храброго Роланда
Осталась жить!» Внезапно побледнев,
Она к ногам владыки франков пала
И умерла... Спаси ее господь!
Рыдают франки, плачут и вздыхают.

- 274 Скончалась Ода. Думал император,
Что только чувств красавица лишилась.
Рыдая, взял он за руку ее,
Хотел помочь ей встать: на грудь головка
Ее склонилась, — видит император,
Что умерла красавица младая.
Он дал приказ — пришли четыре дамы,
И Карл велел им Оду хоронить
В монастыре. До утра охраняли
Четыре дамы Оду, а затем
Близ алтаря ее похоронили:
Великий ей оказан был почет.

- 275 Вернулся Карл в свой Ахен первостольный,
К нему в цепях изменник Ганелон

- Был приведен. Веревками привязан
Он пред дворцом к позорному столбу
И жилами воловьими жестоко
Он был избит, как это подобало...
Так в муках ждал он грозного суда.
- 276 Написано в «Деяниях старинных»,
Что Карл велел созвать своих вассалов
Со всех концов. И все в престольный Ахен
Приехали в Сильвестров день священный.
Суд начался — и графа Ганелона
Велел король, не медля, привести.
- 277 «Мои бароны, — молвил император, —
Изменника судите по закону.
В Испании он был со мною вместе
И погубил французов двадцать тысяч
И моего племянника. Вовеки
Вам не видать могучего Роланда,
Погиб учтивый витязь Оливьер,
Погибли пэры, — продал их за деньги
Граф Ганелон!» — «Скрывать того не стану, —
Сказал в ответ на это Ганелон, —
Роланд меня лишил моих сокровищ —
И я за то Роланда погубил!
Но это месть, не гнусная измена!»
«Об этом мы размыслим!» — молвят франки.
- 278 Граф Ганелон стоит пред королем:
Он бодр и свеж, — как жаль, что он изменник!
Вот славный витязь! Взором всех окинув,
И судей всех, и родичей своих
(Их было тридцать), голосом могучим

Воскликнул граф: «Я богом заклинаю
Вас всех, сеньоры, выслушать меня:
Когда служил я Карлу-властелину,
Как верный франк, по правде и по чести,
Вдруг граф Роланд меня возненавидел
И на мученья страшные обрек:
Он дал совет меня отправить к маврам,
И спасся я лишь хитростью моей...
Я вызывал могучего Роланда,
Я вызывал и графа Оливьера
И прочих всех, — мой вызов все слышали:
И славный Карл, и франкские дружины, —
Я отомстил, но я не изменял!»
«Об этом мы размыслим!» — молвят франки.

279 Назначен суд над графом Ганелоном;
Собрал он тридцать родичей своих.
Средь них один всех больше выдавался —
Вождь Пинабель, соррентский кастелян:
Красноречив, могуч он и сумеет
Свои права оружием защитить.

280 «Я на тебя, товарищ, полагаюсь, —
Сказал ему изменник Ганелон, —
Спаси меня от смерти и позора!»
«Я твой защитник! — молвил Пинабель. —
И если кто тебя к позорной казни
Приговорить осмелится сегодня, —
То, где бы Карл мне места ни назначил, —
От обвиненья лезвием меча
Клеветника заставлю отказаться!»
Граф Ганелон упал к его ногам,

- 281 Сошлись баварцы, саксы, аллеманы,
Норманны, франки, жители Пуату,
Суд начался. Альвернские бароны
Всех милостивей судят Ганелона
(На них имел влиянье Пинабель).
«Зачем судить! — так молвили друг другу
Бароны эти. — Карла попросить
Должны мы все оставить суд над графом:
Пусть Карл простит ему на этот раз!
Граф Ганелон по правде и по чести
Служить, как прежде, будет королю.
Не воскресить убитого Роланда
Ни за какие деньги! Тот безумен,
Кто за него пойдет на поединок!»
Согласны все, у всех одно решенье,
Лишь не согласен славный вождь Тьерри.
- 282 Свой приговор они приносят Карлу:
«Прости ты графа, Карл, тебе по чести
Служить он будет, — он могучий витязь,
Он славный вождь, — оставь его в живых!
Погиб Роланд, — его мы не увидим,
Его никак уж нам не воскресить!»
«Предатели!» — воскликнул император.
- 283 Увидел Карл, что всеми он покинут.
«О, горе мне!» — воскликнул он в печали,
Поник челом; к нему Тьерри подходит —
Жоффрея брат, анжуйского владыки, —
Был смугл лицом Тьерри, он худ и тонок,
И невысок, но строен и проворен,
И волоса его черны. Любовно
Он молвил Карлу: «Карл, не падай духом,
О, государь, я верный твой слуга!

Я здесь имею право по рождению
Средь королевских судей восседать!
Какую бы обиду Ганелону
Ни причинил наш доблестный Роланд,—
Он был на службе Карла, эта служба
Должна была ему защитой быть!
Граф Ганелон — изменник и предатель,
Клятвопреступник он, его на казнь
Позорную я громко осуждаю:
Пусть будет он повешен, как изменник,
Пусть труп его собаки разорвут!..
А если кто из родичей захочет
Мой приговор, не медля, опровергнуть,
То я готов пред всеми доказать
Мечом своим, что прав я!» Молвят франки:
«Вот это так, он дело говорит!»

284 Тогда подходит к Карлу-властелину
Борец могучий, ловкий Пинабель,
Его удар всегда врагу смертелен.
Воскликнул он: «Король, велите судьям
И шум, и крик напрасный прекратить!
Решение Тьерри я отвергаю,
И с ним, не медля, драться я готов!»
И молвив так, лосиную перчатку
Он отдал Карлу. «Что же, я согласен, —
Сказал король, — заложников мне надо».
Граф Ганелон всех родичей привел
(Их было тридцать). «Я своих представлю», —
Сказал король, и слугам повелел он
До окончания боя их стеречь.

285 Увидел вождь Тьерри, что вызов принят, —
Он подал Карлу правую перчатку,

Тот взял ее, заложников представил
И приказал скамейки принести.
На них бойцы могучие воссели,
Все по закону граф Ожье устроил;
Тогда бойцы просили тотчас дать
Им лошадей и крепкие доспехи.

286 Пред поединком вместе приобщились
И Пинабель соррентский, и Тьерри.
Пошли к обедне, — их служитель бога
Благословил и дал им отпущенье.
(Богатств они оставили немало
Для церкви.) Вот они подходят к Карлу.
Они надели шпоры, шлемы, брони,
А к бедрам их привешены мечи
С покрытой чистым золотом рукоятью.
На них щиты с полями расписными,
В руке копье; вскочили на коней
Противники. Тогда сто тысяч франков
Все по Тьерри рыдали: за Роланда
Дерется он с противником могучим!..
Кто победит? — о том лишь знает бог!

287 Близ Ахена обширная равнина, —
Отправились туда для поединка,
Отвагою пылая, удалыцы.
Коней пришпорив, оба вдруг слетелись:
В осколках их посыпались щиты,
Пробиты брони, лопнули подпруги,
Перевернулись седла, оба пали..
Сто тысяч франков плачут и рыдают...

288 На землю пали витязи и вместе
Они вскочили: легок и могуч

- Был Пинабель. Враги друг друга ищут,
Они схватились пешими. Сплеча
Они мечами рубятся, — сверкают
Мечи с покрытой золотом рукоятью,
По шлемам бьют противники друг друга.
Печаль дружины Карла охватила.
«О, боже! — молвил славный император. —
Кто прав из них, скорее объяви!»
- 289 «Тьерри, сдавайся, я твоим вассалом
Себя признаю, — молвил Пинабель, —
Я дам тебе несметные богатства, —
Лишь Ганелона с Карлом помири!»
«Нет, ни за что, — ответил тот, — позором
То будет мне, — пусть нас рассудит бог!»
- 290 «Ты статен, храбр, отважен и проворен, —
Сказал Тьерри, — ты удалю известен:
Оставим бой, тебя я примирю
С великим Карлом, — дай над Ганелоном
Лишь совершить неслыханную казнь!»
«Избави бог! За родича дерусь я
И ни пред кем не стану отступать! —
Ответил тот. — Пусть лучше я погибну,
Чем заслужить укор!» И вновь мечи
Из ярких шлемов искру выбивают:
Борьбу лишь гибель может прекратить.
- 291 Тьерри сплеча могучий враг ударил
По шлему, — искры яркие летят:
От них ковыль степная запылала,
Меч поперек лица Тьерри прошел
И лезвием всю щеку окровавил,

До живота всю броню распорол,—
Но не судил господь Тьерри погибнуть.

292 Почувствовал Тьерри, что сильно ранен:
Струится кровь ручьями на траву...
Противника ударил он по шлему
И до забрала шлем его рассек.
На землю брызнул мозг, — убит на месте
Соррентский вождь, могучий Пинабель,
Удар Тьерри окончил поединок...
«Вот божий суд! — воскликнули французы. —
Повесить надо графа Ганелона,
А вместе с ним и родичей его!»

293 Тогда подходит к Карлу победитель
И вслед за ним могучие бароны:
Нэмон, Ожье, Жоффрей, Вильгельм де Блэ...
Могучий Карл Тьерри любовно обнял
И со щеки он вытер кровь его
Собольей шубой: франкские бароны
Другую шубу Карлу принесли,
С Тьерри доспехи сняли осторожно,
И, посадив вождя Тьерри на мула,
Они его, ликуя, отвезли
В престольный Ахен. Графа Ганелона
И родичей его настала казнь.

294 Могучий Карл спросил своих баронов:
«Что делать нам с заложниками? Ныне
Их Пинабель мне дал, за Ганелона
Они порукой были». — «Пусть умрут!» —
Воскликнули французские бароны.
Тогда король велел позвать Басбрэна

(То был палач): «Заложников повесить,
Не медля, там, на дереве проклятом! —
Сказал король. — И если хоть один
Избегнет казни, — я брадой своею
Тебе клянусь, что будешь ты казнен!»
«Исполню все!» — сказал палач на это:
Он сотню слуг позвал себе на помощь,
И все они заложников схватили...
Все тридцать там на дереве повисли...
Изменник так всегда себя погубит,
Погубит всех он: близких и друзей!

- 295 Вернулись все баварцы, аллеманы,
Пошли норманны, жители Пуату.
Бретонцы, — все согласно порешили
(И больше всех настаивали франки),
Чтоб Ганелон погиб ужасной смертью.
Вот привели четыре скакуна
И руки, ноги графа Ганелона
К тем лошадям, не медля, привязали...
И гонят слуги резвых скакунов;
Там на лугу стояла кобылица, —
К ней гонят их, — ужасные мученья
Там испытал изменник Ганелон:
Растянуты, разорваны все члены,
И кровь течет ручьями на траву...
Погиб он смертью труса... Да не станет
Никто своей изменой похвалиться!

- 296 Когда свой суд окончил император,
Велел позвать епископов французских,
Епископов баварских, аллеманских,
И молвил им: «Есть пленница у нас,

Ее здесь долго вере поучали:
Она креститься хочет. Вас прошу я
Свершить обряд, чтоб душу спас господь». —
«Ты восприемниц ей назначь знатнейших
Из дам своих придворных», — отвечали
Ему на то епископы. Тогда
Народ пришел в престольный Ахен,
И в тех водах чудесных окрестили
Испанскую царицу Юлианой.
Не по нужде, вполне по доброй воле,
Закон Христа познала Брамимонда.

- 297 Окончил суд могучий император,
Печаль и гнев великий облегчил.
Им крещена царица Брамимонда.
Проходит день, сгустился мрак ночной,
Заснул король в своей опочивальне.
И вдруг к нему явился Гавриил:
«Зови, король, скорей свои дружины, —
Так молвил он, — велит тебе господь,
Чтоб в Бирскую страну ты шел, не медля,
Спеши туда на помощь Вивиану.
Его столицу Иф в осаде держат
Несметные дружины сарацин.
Тебя зовут напрасно христиане!»
Не хочет Карл идти и молвит он:
«О, боже, жизнь моя полна мучений!» —
Рыдает Карл, рвет бороду седую...

• • • • •

Здесь прерваны Турольдовы сказанья.

КОММЕНТАРИИ

Тирада 1. *Карл Великий* — король франков (768-800), римский император (800-814). Во время испанского похода 778 года Карл не был еще императором.

Поход в Испанию продолжался около года (778 г.), а не семь лет, как указывает «Песнь о Роланде».

До моря. Только сыну Карла Великого Людовику Благочестивому удалось в 801 году достичь Барселоны, расположенной; на берегу Средиземного моря.

Сарагосса. Таким же образом определяет местоположение Сарагоссы «Исландская хроника Карла Великого», в действительности город расположен под горой.

Царь Марсиль. Следует думать, что имя вымышленное. Возможно искажение имени сарагосского правителя Амогоз, просившего Карла принять его в подданство. (Псевдо-Эйнхардовы анналы.)

Аполлин — древнегреческий бог Аполлон. *Мухамед* — Магомет (571—632), основатель мусульманской религии. Христианские проповедники постоянно смешивали мусульманство с язычеством. Мавры в П. о Р. изображаются язычниками, поклоняющимися идолам Аполлина, Мухамеда и Тервагана, своеобразной троице язычников.

Аой! — так заканчивается во французском тексте больше половины тирад (158). Наиболее вероятным является толкование этого восклицания, как своеобразного припева.

Тирада 2. *Франция прекрасная*. В подлиннике France la danse, традиционный эпитет для характеристики Франции, употребляемый даже ее врагами. Под Францией в П. о Р. подразумевается то вся империя (со включением и германских земель), то область Парижа — Иль де Франс.

Валь-Фонда (Val Funde) — Вальонда, город северной Испании.

Бланкандрин — см. ниже — тираду 9 и комментарий.

Тирада 3. *Соколы*. Соколы ценились значительно больше после периода линьки, которая протекала болезненно и иногда влекла смертельный исход.

Ахен (фр. Aix la chapelle) — столица империи Карла Великого, в знаменитом соборе которого, очевидно, был похоронен император.

Праздник Михаила был особенно чтимым во Франции и праздновался до конца XI века 29 сентября, а позже — 16 октября.

Тирада 5. Имена мавров — вымышлены. Характерно, что многие из этих имен образованы от французского слова mal (злой, дурной): Мальприм, Мальпалин, Мальбьэн и проч.

Кордова (в подлиннике Cordres) — город южной Испании; возможно, что упоминание Кордовы вызвано желанием обнаружить знание географических имен. Буассонад считает, что Cordres подлинника — это местечко Корт в долине реки Эбро.

Ленная земля — земельный участок, подаренный сеньором своему вассалу.

Тирада 7. *Сицилия* (венетианская рукопись — Cescilie) — в период 827—1061 годов являлась частью арабских владений.

Тирада 8. *Роланд* — герой французского феодального эпоса и рыцарских итальянских поэм. Обычно Роланда считают сыном Берты, сестры Карла Великого, и сенешала Милона. Наиболее достоверным историческим подтверждением деятельности Роланда является «Жизнеописание Карла Великого» Эйнхарда, где сказано, что в Ронсевальском сражении убиты «Эгтихард, королевский стольник, Ансельм, пфальцграф, и Хруодланд, начальник Бретонской марки». Существует ряд поэтических рассказов о юности Роланда, судьбе его родителей, его любви к Альде, которые дополняют основные памятники.

Оливьер — исторически не засвидетельствован.

Вождь Самсон (Samsun li dux) — один из двенадцати пэров, бургундский герцог, упоминаемый в ряде поэм.

Ансеис Надменный. Причисляется к двенадцати пэрам П. о Р. и другими источниками. Не следует отождествлять этого Ансеиса с героем поздней поэмы «Ансеис Картахенский».

Жофfrey д'Анжу — знаменосец Карла. Очевидно, герцог Анжуйский Джефред Гризгонель (умер в 987 г.). Королевский знаменосец во время Суассонской битвы (948).

Жерен, Жерье, Ивон, Иворий — персонажи, исторически не засвидетельствованные; характерный пример парного сочетания аллитерированных имен.

Жерард из Руссильона — граф Парижский, впоследствии правитель Прованса (умер в 879 г.).

Бароны Карла. Под баронами в П. о Р. подразумеваются вассалы Карла или же, более ограниченно, его двенадцать пэров.

Кости, шахматы. Игра в кости, занесенная с Востока, была уже известна грекам и римлянам. Упоминание о шахматной игре встречается в XI веке — «Giratz de Rossillo».

Седые кудри. Образ Карла не соответствует

исторической действительности, так как в 778 году ему было всего лишь 36 лет. Такое изображение Карла — убеленным сединами стариком — свойственно эпическим поэмам.

Тирада 9. *Посольство Бланкадрина*. Этот эпизод в некоторых вариантах П. о Р. отсутствует, и переговоры ведутся по предложению Роланда или Карла. Известен ряд исторически засвидетельствованных посольств сарацин к Карлу Великому.

Монеты чеканные. В подлиннике говорится о золотой византийской монете (bezan), имевшей повсеместное хождение.

Тирада 10. *Чудесные воды* — теплые источники близ Ахена.

Тирада 11. *Бароны* — в данном случае имеются в виду все рыцари Карла, без различия титулов.

Тирада 12. *Ожье* (Ogier li Danois) — герой французского эпоса, подробно об его подвигах, предательстве и услугах Франции рассказывает эпосея «Chevalerie Ogier».

Турпин архиепископ — архиепископ города Реймса (753—794 по Gallia Christiana), современник Ронсевальской битвы. Исторически участие Турпина в войнах Карла не засвидетельствовано.

Старик Ричард — герцог Нормандии (943-990), имевший прозвище «старый» или «бесстрашный». Во многих эпосеях XIII—XIV столетий храбрый воин Ричард изображен сторонником мира. О племяннике его *Генрихе* ничего не известно.

Вождь гасконский Аселин — исторически не засвидетельствован.

Тибальд из Реймса — исторических сведений не имеется.

Милон — Милону, как и Тибальду, поручается перевозка трупов героев, павших при Ронсевале.

Изменник Ганелон — один из крупнейших образов средневекового эпоса. Видимо, имя этого изменника повторяет имя Санского архиепископа

Wenilo, изменившего в 856 году Карлу Лысому, но впоследствии прощенного.

Тирада 14. *Вальтиэра* (в подл. *Walterne*) — сарацинский замок в 95 км от Сарагоссы (Л. Готье предлагает не смешивать его с одноименным замком в окрестностях Ронсевала).

Коммибль — очевидно, искаженное или вымышленное название. В исландской версии и других вариантах — Меринда, или Моринда.

Нобли (в подл. *Noples*) — очевидно, город Напаль близ Барбастро (Буассонад).

Пина, *Валагария*, *Туделла* — местности, расположенные между Ронсевалем и Сарагоссой.

Севиля (в подл. *Sebilie*) — очевидно, крепость Севиль в горах близ Барбастро (Буассонад).

Базан, *Базилий* — имена эти встречаются во франко-итальянской поэме XIV века «Взятие Памплоны», где рассказывается о посылке вторичного посольства, храбром поведении посла в стане сарацин, возвращении его и смерти у ног Карла.

Горы Алтайские не поддаются географическому определению. Скорее в смысле высоких гор. (испанское *altilla* — возвышенность, холм).

Тирада 16. *Нэмон Баварский* (*Naimi*; в косв. пад. *Naimon*) — вымышленный персонаж; в поэме «*Aubri de Bourgoing*» рассказывается о рождении и детстве Нэмона, о дальнейшей его судьбе повествуют немецкие версии.

Тирада 18. *Пэры*. В П. о Р. пэрами называются не только ближайшие соратники Карла, его дружина, а также боевые друзья Ганелона (тирада 23). Возможно, число 12 имеет свое символическое значение (12 апостолов, 12 судей в германском народном собрании).

Тирада 20. *Вотчим*. В эпическом наследстве нет последовательности в отношении семейственных связей Роланда: так, иногда он считается сыном Милона и Берты, вторично вышедшей замуж за Ганелона, или же он сын Карла, имевшего крово-

смесительную связь с сестрой Гелейн (исторической Гислой), которая лишь впоследствии была замужем за Ганелоном.

Тирада 22. *Твой зять*. Две сестры Карла Великого умерли в раннем возрасте, третья же, Гисла, была монахиней и аббатисой Шельского монастыря.

Красавец мой Балдуин. По «Рифмованной хронике» XIII века сыновьями Берты и Милона были Роланд и Болдуин: «однако, о последнем говорят, что он был сыном Ганелона».

Тирада 28. *Меч Мурглейс*. Давать прозвища мечам широко практиковалось и в более поздние эпохи, чем во время создания П. о Р.

Пэр Пинабель — соратник и пэр Ганелона. Он защищает Ганелона, участвуя в поединке с Тьерри (тирада 285 и след., где он назван Соррентским кастеляном).

Тирада 29. *Апулия, Калабрия* — были сопредельными владениям Карла Великого, но никогда не входили в состав его империи.

Англы. Карл не вел войн в Англии; можно с полным основанием здесь видеть обычное преувеличение.

Тирада 30. *Каркассона* — город южной Франции, известный еще во времена Цезаря (I век до н. э.). О событиях осады Каркассоны рассказывает латинская повесть XIII века.

Шар пурпурный. В подлиннике *vermeille pume* — пурпурное яблоко символ власти, держава.

Тирада 32. *Парча александрийская*. Вплоть до XV века Александрия славилась своими тканями, одновременно ведя торговлю и тканями, привезенными из Персии и Индии.

Тирада 35. «*Как ты красив и светел*» — формула, часто повторяющаяся в П. о Р., особенно употребляется при прощании Роланда с мечом Дюрандалем (тирада 174 и др.). Изменническая роль Ганелона не мешает прославлению его, как доблестного рыцаря.

Тирада 36. *Халиф* (по-арабски ал-халифа) — наместник пророка. Отсутствие точных представлений о значении халифа, высшего лица среди мусульман, позволило толковать его, как персонаж второстепенного значения.

Тирада 37. *Выступление Ганелона*, провоцирующее Марсилию, дает кульминацию его коварных замыслов.

Тирада 39. *Юрфалей, Марсилия наследник*. В поединке с Роландом (тирада 144) он обезглавлен мечом противника.

Тирада 41. «*Ему за 200 лет*». Эпическая гипербола, вложенная в уста Марсилию, тем самым приобретает характер особенно высокой оценки Карла.

Тирада 45. *Ущелья Цезарийские*, в подлиннике Porz de Sizre. Современная Сиз — долина северных Пиренеев, в пределах французской Наварры. В «Лже-Турпиновой хронике» это место называется Ciserei portus.

Тирада 47. В средние века был распространен обычай помещать в рукояти меча различные реликвии, преследуя цель приближения к воину надежной помощи и защиты небесных угодников. Роланд, прощаясь с мечом, перечисляет все реликвии, вложенные в его рукоять (тирада 175).

Тирада 49. *Язычник Вальдабрин*. В подлиннике Isi levat lo rei Marsillon, что значит «Которым был царь Марсильи крещен»; филологически толкование де Ла Барта вполне допустимо.

Тирада 50. *Поцелуй в уста* — один из знаков покорности вассала сюзерену, причем иногда поцелуй сопровождался и рукопожатием. В данном случае, быть может, дано пародийное преломление этого обычая.

Тирада 51. *Царица Брамимонда*. В П. о Р. только два женских образа: невесты Роланда и сестры Оливьера — Оды (Альды) и жены царя Марсилию — Брамимонды. Последняя охарактери-

зована значительно полнее; ее восхищение Ганелоном во многих вариантах мотивируется убедительнее и раскрывается в любовных отношениях между ней и Ганелоном. Обращение сараинки Брамимонды, ставшей после крещения Юлианой, — излюбленный мотив средневекового эпоса.

Тирада 53. Момент подкупа Ганелона заслонен жадной мести и ненавистью к Роланду; «Лже-Турпинова хроника» придает большое значение дарам Марсилия.

Тирада 54. *Город Гальна*. Возможно, здесь имеется в виду Хельса, в 8 км от Сарагоссы (Дженкинс). Л. Готье предлагает чтение этого места *la cit de Valterne*, то есть вместо Гальны город Вальтерн.

Тирада 57. Мотив сновидения — один из излюбленных в фольклоре и эпосе. Сон помогает художнику определить свое отношение к последующим событиям и раскрыть их в иносказательной форме слушателям.

Возможное толкование снов Карла: осколки разлетелись (вернее: «вверх летят под небосвод» — Б. Я р х о), — души убитых франков поднимаются на небо. Во втором сне медведь — Марсилиий, леопард — халиф, борзый пес — Роланд, ухо медведя — рука Марсилия.

Тирада 62. Здесь имеется ряд противоречий в повествовании, которые стремились устранить Бедье и Дженкинс. В свое время, отправляясь в качестве посла, Ганелон уронил не посох, а перчатку. Возможно, что вся тирада 61-я является позднейшей вставкой.

Тирада 66. *Готье де Л'Ом* (в подлиннике *Gualtier de l'Hum*). Этому соратнику Роланда предшествуют пэры, слова «Он мой сеньор» определяют Готье, как одного из ленников Роланда. Отмеченное уже выше несовпадение имен пэров в различных местах П. о Р. может быть лучше сего объяснено многократной передачей текста

(де Ла Барт здесь произвольно опускает имя Анселиса, подобно тому, как в других местах увеличивает перечень имен).

Царь Альмарис. Очевидно, испорченное арабское слово; исторически не засвидетельствован.

Тирада 67. *Гасконь* действительно входила в состав империи Карла Великого и находилась в ленном владении одного из его вассалов.

Тирада 69. «*Князей, эмиров, графов ..*» — в подлиннике говорится: «*baguns, cuntes, vezcuntes e dix almasurs, les a mirafles*» — полное смешение мусульманских и христианских титулов: переводчик передает эту особенность текста, опуская герцогов, победителей (арабское-альмансур).

Идол бога Мухамеда. Трактовка мусульман как идолопоклонников особенно распространяется после крестовых походов.

Тирада 70. *Аспра* — горный проход в Пиренеях (по-латински *Aspera vallis* — собственно, трудная долина), теперь Аспе.

Дюрестан — не установлено.

Тирада 71. *Фальзарон* — исторически не засвидетельствованный персонаж. Имя его происходит от *fals* — лживый и тождественно производным от *mal*.

11 баронов. Типичная для эпоса сюжетная симметрия в повествовании: 12 пэрам франков соответствуют 12 пэров сарацинских, племяннику Марсилия Аэльроту противопоставляется племянник Карла Роланд.

Тирада 72. *Берберы.* Уже в VIII веке христиане сталкивались с берберами в Испании, но с половины XI века роль их еще усилилась в связи с воцарением в Кордовском халифате африканской династии Альморавидов.

Ронсеваль — вернее, Ронцесваль — городок в испанской провинции Наварре, соединенный с Францией Роландовыми воротами.

Тирада 74. В подлиннике не мавританский, а из Морианы, местечка в верхнем течении Эбро, по пути к церкви святого Якова Компостельского, с которой связано много легенд.

Тирада 75. *Тургис*, могучий граф Тортозский— имя сарацинского графа Тургиса нормандское. В подлиннике Тортоза названа Turtelese. Де Ла Барт следует общепринятому толкованию: город Тортоса в долине Эбро, который был взят Людовиком Благочестивым, сыном Карла, в 811 году после долгой осады (Буассонад предлагает толкование: Тортолес в районе Туделлы).

Дюрандаль — название меча Роланда — можно вывести или от слова *dur* — твердый, или от *durer* — быть прочным.

Тирада 77. В подлиннике исторически не засвидетельствованные Эстамарин и Эсторган характеризуются, как «предатели, изменники, корыстолюбцы», что вполне соответствует задачам эпического повествования, противопоставляющего отрицательные стороны сарацин положительным качествам христиан.

Тирада 78. «*Граф Маргарис... севильский вождь*». Образ Маргариса дается в соответствии с куртуазным идеалом средневекового романа, почему строка «Его увидев — каждая смеялась» требует более близкого перевода: «Нет женщины, которая, увидев его, ему не улыбнется».

Севилья — очевидно, испанский город.

«*Служить нам станом... будет Сен-Денис*». Эта похвальба Маргариса должна задеть не только национальные, но и религиозные чувства французов. Сен-Денис (теперь Сен-Дени) — старинный город близ Парижа с древней усыпальницей французских королей.

Тирада 79. «*В его стране не блещет солнца луч*». Подражание Библии (2 кн. Самуила, гл. 1, 21) — очень распространенное в средневековой поэзии.

Сборище чертей — в подлиннике: «Некоторые говорят, что там мочатся черти», что несомненно раскрывает предшествующее «Там нет росы» (вернее: «Не льется дождь»).

Тирада 81. Реплика Роланда соответствует его горячей несдержанности, неоднократно подчеркнутой в П. о Р. Роланд, сам понося Ганелона, не позволяет своему другу Оливьеру называть Ганелона коварным.

Тирада 84. Рог Роланда «Олифант» был сделан из слоновой кости и был единственным в войске Карла. Обычных же рогов насчитывалось до 60 000. После смерти Роланда и Оливьера Карл поручает Олифант и меч Рабелю и Гинеману (тирада 220).

Тирада 86. «Ударов тысячу семьсот» — обычное количественное преувеличение.

Тирада 90. Обещание райского блаженства павшим в бою воинам и причисления к лику святых встречается у многих народов Европы и Азии (Вальгалла — у германцев, рай — у мусульман и проч.).

Тирада 92. Клички коней имеют подчас совершенно определенный смысл, совпадая с употребительными и в наше время. Вейлантиф, конь Роланда, очевидно, назван так от слова *weille, veiller* — бдительный, зоркий. В тираде 28 упомянут конь Ганелона Ташебрун — «караковопегий», в тираде 109 конь Жерье — Пассе-Серф — «Догони оленя» — и т. д.

Тирада 93. «Монжой и Сен-Денис». Боевой клич французского войска «Монжой!» устанавливается в XII веке; попытка объяснить его происхождение от названий придорожных камней-указателей или от последнего холма на пути паломников, идущих в Рим (*Monte Mario*), который являлся последним этапом и мог получить прозвание *Mons gaudii* — холм радости, — мало убедительна. Характерно, что бургундцы, сохраняя

клич «Монжой!», вторую часть его — призыв святого Дионисия, покровителя Франции, заменяют святым Андреем (Saint Andre), а герцоги Бурбоны — Богородицею (Notre Dame).

Тирада 94. *Аэльрот*. О нем уже говорилось раньше в тираде 71. Поединок между Роландом и Аэльротом кончается победой Роланда, подчеркивающей несомненное превосходство французского пэра.

Тирада 95. *Земля Дафанская и Абирон* заимствованы от имен мятежников, которых, по библейскому рассказу («Книга Чисел», гл. 16, 31—32), поглотила земля за неповиновение Моисею.

Брат Марсилия, Фальзарон, побежден Оливьером во время поединка, сюжетно параллельного поединку Роланда и Аэльрота.

Тирада 97. *Хрустальное навершье* (bucle de cristal) — выпуклость средней части щита, часто украшавшаяся драгоценным металлом или же хрусталем.

Тирада 98. *Эмир*. Имеется в виду эмир из Балагеры (тирада 73).

Тирада 99. *Самсон* — в ранних переделках П. о Р. этот пэр заменен Эстаутом да Лангр (в «Лже-Турпиновой хронике» носящим имя Эстульгуса, от латинского stultus — глупый), приобретающим все больше комических черт.

Тирада 107. *Альтеклер* (Halteclere — высокосветлая). По поэме «Джирард Вианский» этот меч принадлежал римскому императору Клозамонту, который потерял его в лесу. После того, как меч был найден, его передали папе, но затем им завладел Пипин, подаривший его своему вассалу; последний продал его еврею, снабдившему Альтеклером Оливьера во время поединка с Роландом.

Тирада 109. В средние века было распространено обыкновение давать имена античных богов демонам христианского ада. Тема о загробных

странствований получила широкую обработку в поэмах-видениях.

Тирада 111. «Его к позорной казни присудил». В подлиннике «был присужден к повешению» (fut jugiez a pendre), что противоречит тираде 295, где говорится о четвертовании Ганелона. Де Ла Барт, устраняя противоречие, не делает ошибки, так как лишь версия XIX века говорит о казни Ганелона через повешение.

Тирада 112. *Сен-Мишельская церковь* (Saint Michel du Peril) — храм Михаила спасителя на водах, находящийся близ Авранша в Нормандии, до сих пор место паломничества.

Кельн — толкование Seinz, как Кельна, неубедительно. Видимо, это город Санс, к юго-востоку от Парижа.

Безансон — город западной Франции, центр Франш-Конте.

Гюитзан — современный Висан, близ Калэ.

«Вот судный день настал» Образ фольклорного происхождения (Библия, Эда и т. д.)

Тирада 113. Ссылки на «Деяния славных франков» (La geste Francur) делаются несколько раз, как и на рассказы и хартии (тирады 159, 239, 276 и др.); это — излюбленный прием французских авторов, желание придать повествованию ученый, осведомленный характер.

Тирада 114. «О нас позорной песни не споют». Быть может, здесь следует видеть указание на обычай складывать песни в честь героев и их подвигов.

Тирада 115. *Хор святых страдальцев*, точнее, невинно убиенных (innocents), говорит о том же вышнем рае, что и в тираде 90.

Тирада 117. Вместо *семисот арабов* у де Ла Барта — в подлиннике «семь арабитов» (sept Arabiz), считавшихся отборной конницей мусульман; замечание о их непригодности к бою — обычно в целях уничтожения врага.

Тирада 118. В 1012 году халиф Хакем взял Иерусалим, разрушив храм и выколол глаза патриарху Иеремии. Быть может, этот эпизод имел влияние при обработке П. о Р.

Тирада 190. «*Малкуда сын — царевич Малк-видан*» — имена сарацинских рыцарей, в парном сочетании (см. тираду 71 и комментарий).

Тирада 122. *Каппадокия* — упоминание малоазиатской области Каппадокии, возможно, идет через легенду о Георгии Победоносце, а не является результатом непосредственной осведомленности.

Валенция. Есть предположение, что здесь имеется в виду St. Vallier на Роне, близ города Вивьера.

Тирада 127. «*Дракон*» ср. ниже (тирада 240), где говорится: «Перед ним несут дракон, с ним Тервагана знамя».

Абизм — вымышленный персонаж, в дословном переводе: бездна, омут, ад.

Тирада 128. *Галафрий*. Буассонад доказал, что малоазиатский город Алеппо назывался в латинских памятниках «Галапия», властитель же этого города носил имя *admiraldus galefi*. Имя Галафра носит один из персонажей французского эпоса.

Валь-Метас — очевидно, вымышленное название.

Тирада 129. «*Так книги нам и песни говорят*». В подлиннике «Написано в хартиях и грамотах — так говорят Деяния, больше 4 тысяч» (ср. тираду 113 и комментарий).

Тирада 141. «*Поверх брони висит брада седая*». Обыкновенно это означало бесстрашие и вызов врагу (тирады 231, 260).

Тирада 144. *Дижон* (как и упоминаемая в подлиннике Бельна, нынешний Бон) — город в Бургундии.

Бэвон. Кто подразумевается под этим именем, установить невозможно.

«Он кисть руки Марсилию отсек». В вариантах Марсилиий был убит в бою.

Тирада 145. Имена, перечисляемые здесь, за исключением Карфагена, все вымышлены.

Тирада 154. «Убивший Мазлуда». Во французском тексте «*ki cunquist Maelgut*» — завоевавший Мозлпот; что это за место, установить нет возможности, как и определить, кем был Дроон.

Тирада 157. *Альмас* — это один из трех мечей, которые были даны в выкуп за еврея Абраама.

«*Рассказы так правдивые вещают*» — и далее. Дословно это место звучит: «Так говорят Деяния и тот, кто был на поле; барон святой Эгидий, ради которого бог творит чудеса, записал это на хартии в Ланской обители». Св. Эгидий жил в VII веке в Аквитании.

Тирада 172. «*Разбит мой меч*». В тексте: «Треснул мой рог» (*Fenduz en est mis olifant el'gros*) По вариантам, рог Роланда Олифант треснул еще тогда, когда рыцарь с натугой трубил, призывая Карла.

Тирада 174. В этом перечислении заключено много вымысла. Анжу, Мэнь, Прованс, Аквитания, Фландрия — наследственные владения Карла. Ломбардия (то есть королевство Лангобардов) была завоевана Карлом в 771 году и имела большое значение в смысле культурного влияния на франкское государство. Бавария — земля саксов — потребовала длительных усилий и окончательно была покорена в 804 году. Свободная Нормандия, как самостоятельное государство, не существовала; очевидно, внимание к Нормандии объясняется местным патриотизмом жонглера (язык оксфордской рукописи — англо-нормандское наречие). Завоевание Бретани Карл не осуществил, хотя им были взяты заложники. Англия, Шотландия, Ирландия, Валлис (Уэльс), Константинополь, Польша [Земля Полян, Апулия, Польша (?)], Румыния (ошибка переводчика — вместо Романья) никогда не при-

надлежали Карлу, кроме переданной римскому папе Романьи.

Тирада 176. Передача перчатки — залог явки и вассальной службы небесному сюзерену — богу.

Тирада 181. Библейский эпизод о чуде Иисуса Навина (кн. Иисуса Навина, 10—12), умолившего бога остановить солнце для окончания битвы, использован в П. о Р. наравне с чудесным падением стен Иерихона («Лже-Турпинова хроника»).

Тирада 186. *Меч Жойез* (в переводе «радостная»). По легенде, меч выкован знаменитым кузнецом Веландом, но существуют и другие варианты: Название меча и клич «Монжой» одного корня.

Тирада 187. Сновидение. *Пленение медведя* — Ганелона вызывает протест его родичей, тридцати медведей. Борзый пес — Тьерри, свирепый медведь — Пинабель (тирады 283—292).

Тирада 190. *Эмир Балиган*. Балиган П. о Р. изображен повелителем мусульман, имеющим в подчинении сорок королей и Марсилию и назван старым и седым, являясь в известной степени равноценным Карлу Великому по принципу образной симметрии.

Тирада 191. *Вавилон*. В средние века под Вавилоном обычно разумели Каир (Новый Вавилон) в Египте. Балиган даже носит титул *ammiratus Babilonia* (Буассонад).

Александрия. Дженкинс (стр. LXIII a *Chanson de Roland*, изд. Nath and C°) сопоставляет эпизод с Балиганом с событиями крестового похода 1099—1105 годов и двукратным поражением посланных из Египта войск.

Тирада 192. «*Карбункулы сверкают*». По распространённому в средние века воззрению, драгоценные камни светились ночью.

Тирада 193. *Марбриз, Марброз* — географически не поддаются определению; обычное для П. о Р. соединение двух аллитерирующих слов.

Тирада 195. *Кларин и Кларифан* — аллитерирующая пара имен.

«*Перчатку, златом шитую, и посох — Царю отдайте*». Во французском тексте: «l'eu dunez cestguant ad oi plaiet — El destre puigu sili faites calcin», что значит: «Передайте ему золотом вышитую перчатку — и наденьте ее на правую руку». Таким образом, переводчик опустил оттенок намешки, так как у Марсилия правой руки уже не было.

Тирада 204. Часто повторяющаяся сцена признания вассалом своей зависимости от сюзерена; здесь, как и при описании смерти Роланда, признание не имеет своим последствием активного участия вассала в дальнейших событиях.

Тирада 210. *Лаон* (современный Лан) — при последних Каролингах (IX—X век) был столицей западного франкского государства. Очевидно, жонглер привнес эти сведения в X веке, поскольку П. о Р. обычно признает столицей государства Ахен.

Тирада 211. «*Юноша прекрасный*». В подлиннике *juvente bele* — прекрасная юность, типичное школьное выражение (лат. *pulchra iuventus*).

Калиферна — предположительно местность Сирии недалеко от Алеппо.

Тирада 218. По представлению католиков наместником бога является *апостол Петр*, особо почитаемый в Риме. Карл, как римский император, взывает к Петру, постоянному покровителю Рима.

Тирада 220. *Рабель и Гинеман*. Их преемственная роль в смысле ношения меча и Олифанта не ставит их на то же место, которое занимали Роланд и Оливьер.

Тирада 221. *Баварские вассалы*, как аллеманы и фризы, входили в состав имперского войска Карла Великого, но не могли быть в составе войска французских королей. Немецкие версии

П. о Р. уделяют еще больше внимания немецким отрядам имперского войска и усиливают значение баварского герцога Нэмона.

Тирада 222. *«Вождь ракийский: то витязь Герман»*. В подлиннике герцог Эрман из Трации. О ком идет речь и какое географическое название здесь скрывается, определить невозможно.

Тирада 223. *«Норманнов двадцать тысяч»* — вернее, нормандцев; норманнов не могло быть в войске Карла Великого.

Тирада 224. Наличие бретонцев в войске Карла Великого вполне возможно (по «Жизнеописанию Карла Великого» Эйнхарда: «Хруодланд — начальник бретонской марки»).

Тирада 225. Овернь — область западной Франции. Пуату — область центральной Франции.

Тирада 227. *Бургонь* (Бургундия) — область центральной Франции, граничащая с Овернью.

Аргона не была герцогством, а входила на ленных правах в состав Шампанского графства.

Тирада 228. *Орифламма* изображена на мозаике триклиниума святого Иоанна Латеранского в Риме (IX век). На первой мозаике Карл Великий получает зеленое знамя из рук апостола Петра, знамя города Рима или римских пап; на второй мозаике — Христос передает Карлу Великому красное знамя, знамя империи с крестом на древке. Если название «орифламма» происходит от *aurea flamma* (золотое пламя), то в таком случае, очевидно, имеется в виду красное знамя империи. Римское происхождение орифламмы подчеркнуто стихами П. о Р., между тем как исторически известно, что Капетинги (927—1328) заимствовали орифламму у Вексенских графов, сделав ее с XI века государственным знаменем.

Тирада 229. *«Иону спас»; «Владыку ниневийцев — Ты сохранил»; «От страшных мук избавил Даниила»;*

«Из пещи ты трех отроков исторг» — упоминание легендарных событий, описанных в Библии.

Тирада 232. *Меч Пресъез* (precieus — драгоценная). Название меча отсутствует в оксфордском тексте и восстановлено по другим рукописям.

Даваемый в этой тираде портрет эмира во многом соответствует изображению Карла Великого.

Тирада 235. *Лютичи* — славянское племя, жившее между рекой Одером, Балтийским морем и Эльбой (современная Померания). Карл Великий неоднократно вел войну против лютичей, но не достиг окончательного успеха. В X—XI веках немцы упорно стремились христианизировать лютичей, но только в XII веке закончился этот процесс.

Шериан, Валь-Маркиз. Точную параллель этим двум названиям трудно найти. Есть попытка в первом видеть тунисский город Кайруан, а во втором — марокканский город Маракеш, основанный в XI веке и построенный в долине (Val).

Тирада 236. «Их войску нет числа» (тирада 221 и след.) — в перечислении народов, наряду с исторически засвидетельствованными именами, упоминаются совершенно фантастические.

Люди Бутентро. Популярное толкование Бутентро уступило место новому. Бедье (в 1927 году) указал на религиозное предание о детстве Иуды, рассказывающее, как он был положен в корзинку и брошен в море. Корзина была подобрана на острове Корфу; воспитан же Иуда был в Эпире, в Бутинтро (с которым отождествляли Бутентро ранние исследователи П. о Р.).

Мисбы. В тексте: Мицены (micenes). Возможно, это славянское племя милшен, живших в IX—X веках по верхнему течению реки Эльбы.

Нубийцы. Африканское племя.

Блоссы — не установлены, видеть в них волохов или воловцев мало основания. Венецианская рукопись вместо блоссов говорит о Ros, то есть о Руси.

Руссы. В оксфордском тексте руссов нет, а есть бруны (по некоторым домыслам — брауншвейгцы); имя это восстановлено по другим рукописям. Почему русских, принявших крещение в 988 году, П. о Р. относит к язычникам, — непонятно.

Славяне (Esclavoz, ниже в тираде 238 — Esclers) — общее название народа. Что касается сорбов (Sorbres), то, видимо, здесь имеются в виду сербы (лат. Sorobi), бывшие язычниками еще в XI веке, с ними вел войну Карл в 789 году. Соры (Sorз) введены лишь для создания парной аллитерации к сорбам.

Армяне. По справедливому указанию Бедье, армяне были неоднократными союзниками мусульман во время крестовых походов. Причисление их к язычникам так же, как и русских, видимо, определяется неосведомленностью автора.

«Иерихона жители». Кого здесь следует разуметь — арабов или евреев — сказать трудно. Возможно, это лишь библейская формула.

Гросы. Оба толкования гросов, как курдов (лат. Grudi) и грузин, мало убедительны.

Негры (nigre). Речь идет несомненно о неграх, поскольку черный по-старофранцузски neig (оба слова: nigre и neig происходят от лат. niger — черный).

Жители Балида. Во французском тексте: «Балида Сильная». Буассонад видит в Балиде сирийский город Балис.

Тирада 238. *Хананеяне* — семиты, жившие в Малой Азии.

Валь - Флури — в подлиннике Val - Fuit. Неопределимо.

Авары — родственное гуннам племя, заселявшее области по Дону и Каспийскому морю (VI век), в VII веке заняли территорию современной Венгрии, терроризируя соседей удачными набегами. В 796 году Пипин, сын Карла Великого, добился победы над аварами, взяв их крепость Ринг, после чего упоминаний этого племени не встречается.

Очевидно, для большей картинности авары введены в это перечисление, хотя, возможно, воспоминание о борьбе с ними слишком прочно сохранилось в легендах средневековья.

Сольгры — фантастическое имя.

Печенеги (Pinceneis) — племя тюркского происхождения. Их роль особенно значительна в истории древней Руси (X—XI век). Печенеги служили наемниками у византийских императоров, почему стали известны крестоносцам.

Жмудь — в подлиннике Ormalei — ормалеи. Балтийское племя, населявшее часть восточной Пруссии (Эрmland).

Эвглы (Euglez). Предположение, что это славянское племя угличей, жившее в низовьях Днестра и Прута, самое достоверное.

Пруссы (Bruise — подлинника) — балтийское племя, жившее в пределах современной Пруссии. Другое толкование — малоазиатский город Брусса — менее приемлемо.

Народ с пустынной Осианы. В тексте Ociant; догадка, что здесь имеется в виду жившее по берегам Аму-Дарьи племя (по-лат. Окс), не лишена убедительности.

Тирада 239. *Мальпруза* — неопределима.

В этой тираде особенно много названий фантастического происхождения: 1. *Аргойльцы* — Ренмонт предлагает в них видеть население Гаскони, Буассонад отождествляет их с жителями малоазиатского города Эрегли (в древности Гераклеи). 2. *Ляхи* — в подлиннике lei, вернее, ливь (ливы) — финское племя, жившее на восточном побережье Балтийского моря (Лифляндия). 3. *Балдизцы* — в тексте Baldise Lunge — Дальняя Балдиза, так же, как Валь-Фронда. 4. *Валь-пенозцы*. (Val Penose значит «Долина мучений»), *марузцы, жойи* — не поддаются расшифровке.

Гунны, венгры. Смутные представления в области истории, существовавшие в средние века, приво-

дили к тому, что под гуннами, наряду с настоящими гуннами, подразумевали также пришедших им на смену аваров, а также и мадьяр (венгров). Венгры, крещенные уже в X веке, причислены к язычникам ввиду недоброжелательства, которое они проявляли к крестоносцам, проходившим через их земли.

Тирада 257. *Бароны африканские*. В подлиннике говорится об арабских рыцарях (d'Arabe).

«*Дружин из Баскля*», то есть исторических противников Карла Великого — басков, о которых повествует Эйнхард в своем «Жизнеописании Карла Великого».

Тирада 258. Предсказание, делаемое Жонглем, — обычный мотив в эпосе и играет не меньшую роль, чем сновидения.

Тирада 259. *Энфры* — не поддаются определению.

Тирада 272. *Нарбонна*. Толкование двоякое: город в южной Франции или Арбона близ Биаррица.

Бордо — главный город Гаскони (гальско-латинское Бурдегала). Каноники местного храма святого Северина гордились тем, что Олифант Роланда хранится у них.

Жиронда — соединенное устье рек Гаронны и Дордони.

Блэ — город в Сентонже при впадении Жиронды.

В средние века вершить суд могло лишь собрание равных, почему сеньору надлежало собрать двор и предложить дело на рассмотрение съехавшихся. Карл мог выступать лишь в качестве обвинителя, а не судьи Ганелона.

Тирада 273. *Ода*, также Альда (ср. тираду 132).

Лодовик — Людовик Благочестивый, сын Карла Великого, император (814—840). Еще при жизни Карла Великого содействовал расширению испанских владений (взятие Барселоны в 801 году).

За год до смерти Карла он был коронован опцом в Ахене.

Тирада 274. «*Великий оказан был почет*» — в монастыре святого Фарона Альде был воздвигнут, памятник в XI—XII веке, сохранившийся до XVI века.

Тирада 276. «*Сильвестров день священный*» — 31 декабря.

Тирада 277. Мотив предательства, заинтересованность в деньгах, как наносящий чувствительный урон чести обвиняемого, усиленно отрицается Ганелоном.

Тирада 278. Родственники Ганелона защищают его; позже они называются Майнцскими баронами, и число их сильно увеличивается. В итальянской рыцарской поэме обычно «*Maganzesi*» — изменники, чему, может быть, причину следует искать в национальной ненависти к немцам; от их козней приходится терпеть главным персонажам.

Тирада 279. *Вождь Пинабель, соррентский* кастелян. В тексте *Sorence* — может быть, Сорренто в Италии или Саранса в Пиренеях (тирада 28 и комментарий).

Тирада 281. *Альвернские бароны* — из Оверни, области центральной Франции.

Тирада 290. «*За родича дерусь*». В подлиннике: «За весь свой род я хочу сражаться» (*sustenir voe-ill trestat mun parentet*), то есть подчеркнута защита интересов целого рода против государственной власти.

Тирада 292. Повешение не только Ганелона, но и родичей предопределено тем, что они взяты заложниками до поединка.

Тирада 297. Ни одно из встречающихся имен (*Вивиан, Бира, Иф или Инфа*) не расшифровано.

«*Здесь прерваны Турольдовы сказанья*». Очень темная и загадочная строка. Слово «сказанья» не совсем соответствует «*geste*» — эпическая песня, устная повесть и т.д. Турольдус — неизвестное

лицо. Это имя часто встречается у нормандцев и англо-нормандцев. Исследователи предполагают возможность сопоставления имени Турольдуса с:

- 1) Турольдом — бенедиктинцем из монастыря Фекан, который был назначен в 1066 году аббатом Мальмсбери.
- 2) Турольдом — капелланом английских королей (умер в 30-х годах XII века). В монастыре Ле Бек, где Турольд был монахом, хранились некоторые реликвии из упомянутых в П. о Р. (Дженкинс).
- 3) Турольдом — нормандским священником, пришедшим из Испании в 1128 году (Буассонад).

Предположение, что Турольд был клириком, не лишено основания, но кем он был — автором, писцом, переписчиком — неразрешимый вопрос.

СОДЕРЖАНИЕ

Тирады 1—7

Сарагосский царь Марсилий, испуганный победами Карла Великого в Испании, посылает к нему посольство (во главе с Бланкандрином), которое ложными обещаниями должно побудить Карла вернуться во Францию 5—8

Тирады 8—28

Бланкандрин прибывает в лагерь Карла. — По совету Ганелона и Нэмона и вопреки предложению Роланда Карл соглашается на мир с Марсилием. — Для передачи Марсилию условий капитуляции необходимо отправить к нему посла. — Роланд указывает на Ганелона и тем навлекает на себя его гнев, — Ганелон уезжает 8—18

Тирады 29 — 53

Желая погубить Роланда, Ганелон изменяет родине: он дает Марсилию совет лицемерно принять условия Карла, а когда тот с главной частью войска уйдет за Пиренеи, напасть на арьергард, которым будет командовать Роланд; со смертью Роланда якобы погибнет могущество Карла. — Сарацины соглашаются и щедро награждают Ганелона. 19—29

Тирады 54-68

Ганелон выполняет свой план. — По его совету в арьергард назначены Роланд и двенадцать пэров. — Франки переходят через Пиренеи. — Карлу снится зловещий сон. 29—34

Тирады 69-126

Марсилиий собирает огромное войско и поручает командование 12 из своих вассалов (в соответствии с 12 пэрами Карла). — Оливьер просит Роланда затрубить в рог и призвать на помощь Карла, но Роланд из гордости отказывается. — Завязывается сражение (сначала герои ломают друг о друга копья, затем выхватывают мечи); большинство мавританских вождей перебито. Сарацины бегут, но франки понесли огромные потери 35—60

Тирады 127—178

Марсилий вновь нападает во главе второй рати. — Роланд трубит в рог; Карл поворачивает полки, но уже поздно. Пэры падают один за другим. Перебив множество врагов и обратив в бегство Марсилия, смертельно раненый Роланд остается один на поле битвы. — Смерть Роланда.....60—86

Тирады 179—271

Карл возвращается в Испанию. — Марсилий, тяжело раненый, укрылся в Сарагоссе, на помощь ему приходит египетский эмир Балиган. — Карл оплакивает смерть Роланда и пэров; затем он строит свои полки; то же делает и эмир. — В войске Балигана представлены племена всего «языческого» мира. — Бой. — Единоборство Карла с Балиганом. — Балиган убит, войско его обращено в бегство. — Взятие Сарагоссы. Марсилий умирает . . 86—127

Тирады 272—274

Карл вернулся во Францию.— В Ахене он встречает Альду (Оду), невесту Роланда, которая, узнав о смерти жениха, умирает.127—129

Тирады 275—295

Суд над Ганелоном. — Так как Ганелон отрицает свою вину и весь его род за

него заступает, то назначается судебный поединок. Со стороны Ганелона поединщиком выступает Пинабель, со стороны Карла — Тьерри Анжуйский. — Пинабель побежден, Ганелон признан виновным; его привязывают к хвостам коней, которые разрывают его на части. Его родичей вешают. 129—137

Тирады 206—297

Карл обращает в христианство царицу Брамимонду. — Он собирается почтить от дел, но бог устами архангела Гавриила призывает его к новым подвигам. 137—138